

The book cover features a light blue background. A large, black silhouette of a woman's head in profile, facing right, occupies the lower half of the image. Numerous black butterfly silhouettes of various sizes are scattered across the top and bottom edges of the cover. The author's name is printed in the upper right, and the title is written in a large, white, cursive font across the center of the woman's head. The subtitle is located at the bottom center.

ПЕНИНСКАЯ АННА

*Три
стороны
любви*

СЕРДЦА
ПОКОЛЕНИЙ

Анна Пенинская
Три стороны любви.
Сердца поколений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29802625

ISBN 9785449042231

Аннотация

Безоблачное существование старшеклассницы Натали омрачает новость о том, что брак ее родителей трещит по швам и ей придется пожить с бабушкой, пока родители разбираются в своих проблемах. Отношения с бабушкой были натянутыми с детства и поэтому эта новость для Натали, как гром среди ясного неба. Удастся ли родителям сохранить брак? Удастся ли Натали наладить отношения с бабушкой? Трогательная и поучительная история о том, как важно давать шанс даже тем отношениям, которые кажутся безнадежными.

Три стороны любви Сердца поколений

Анна Пенинская

Дизайнер обложки Анна Лиева

© Анна Пенинская, 2018

© Анна Лиева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-4223-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.

– Натали, выключи музыку!

Молоденькая девочка шестнадцати лет лежит на кровати, задрав ноги на стену и рассматривает журнал. Она делает вид, что не слышит этих криков своей матери. Музыка включена на полную громкость, Натали вообще любит, когда все громко. Ей даже нравится, как кричит ее матушка. У нее очень звонкий голос. Натали жует жвачку и ест конфеты драже. Кто-то говорит, что они плохо влияют на зубы, но она подумает об этом, когда станет старенькой. Ну или

когда у нее повылетают все пломбы. Вроде бы, пока держатся крепко. Да и не так уж их и много. Не так часто она ест драже, как утверждает ее мама. Все мамы иногда так сильно вредничают.

– Натали, сколько можно? Я сейчас поднимусь и сама выключу твою дурацкую музыку.

Натали закатывает глаза, но слышит шаги матери, она нарочно так топает, чтобы Нат спохватилась и выключила музыку до того момента, как дверь распахнется. Но Натали упрямится. Натали вообще обладала чудовищно упрямым характером, а, может быть, это всего лишь возраст. Все же шестнадцать это один из самых сложных и упрямых возрастов. Нат, конечно, это не признает. Она и не думает, что весь ополчился против нее, но вот, что он пытается ополчиться, тут она не может не согласиться. Вроде бы в этом возрасте нужно заканчивать переходный возраст? Или вступать в него? Натали уверена, что ее эта беда миновала и, кстати, даже немного собой гордится. Разве это не говорит о силе духа и характера? Мир не ополчился, нет. Она вообще любит этот мир. Но да. Попытки ополчиться точно есть, она их засекала.

По крайней мере, ей не дают слушать музыку, которая ей нравится и постоянно фыркают на ее внешний вид. Мать и отец никак не могут понять, что колготки в сетку под рваными джинсами это модно, а не

Господи, что за кошмар ты на себя напялила?

И ведь не докажешь им, что все так носят и она не собирается влезать в жуткие юбки, в которых и шагу нельзя ступить. Страсть ее матери пытаться навязать ей этот стиль, который сама Натали именуется не иначе, как «пенсионный возраст». Матушка же уперто твердит, что это называется элегантностью. И кто из них после этого упрямец? В любом магазине, мама постоянно шагает к Натали с какой-то юбкой или строгим пиджаком и никакие доводы, чтобы она даже не подносила это к ней близко, на нее не действуют. Натали хотя бы не заставляет маму мерить колготки в сетку. Значит, уже она более лояльная, понимающая и демократичная.

Натали даже шаги считает и с точностью может сказать, когда дверь распахнется и мама обратится к ней под фамилии, что означает высшую степень ее разочарования и раздражения.

– Выключи музыку или хотя бы сделай ее тише, несносная ты девчонка.

Натали так нравится смотреть, как жеманничает ее красавица мать. Даже в фартуке и с кухни ее мама выглядела просто великолепно. У нее даже имя было великолепным – Виктория. Она была мягкой красавицей с правильными чертами лица, которая умела готовить самые вкусные пирожки на свете. Не смотря на свою невероятную внешность, ее мама никогда этим не пользовалась и относилась к себе спокойно. Если бы Натали обладала внешностью мамы, то точно бы пользовалась своей красотой постоянно, но, к сожалению,

нию, она привыкла себя считать «неудавшейся» копией. Она не была гадким утенком, но не обладала мягкостью матери. Просто черты ее лица были более грубыми, что вместе с рыжими волосами, которые достались от отца, создавали ощущение экзотичной внешности. По крайней мере, ее так называли. Экзотичной, своеобразной. Натали усмехалась и говорила, что это такие не самые обидны определения вместо «страшненькая». Виктория обладала потрясающей внешностью, но даже не красилась. Если бы она подчеркивала свои ресницы и губы, то была бы еще ярче. Она же предпочитала вообще не пользоваться косметикой и коротко стричь свои пышные и объемные волосы. Как будто бы немного стеснялась своей красоты. Натали тоже не красилась. Раз в доме такой привычки нет, то и она не привыкнет.

– Если тебе нравится эта музыка, то это не значит, что ее должны слушать все, кто находится в квартире, еще и соседи за пару улиц.

– За пару улиц уже не соседи, мамочка.

– Не кривляйся, Натали.

– Ты такая милая, когда строгая. Конечно, я выключу музыку ради твоего спокойствия.

– И сделай уроки.

– Ты не находишь, что перебарщиваешь? Выключить музыку, сделать уроки... ты еще скажи, чтобы я в комнате убралась и я подумаю, что ты совсем с ума сошла.

– Было бы неплохо. Не понимаю, как ты можешь жить

в таком бардаке.

– Это творческий беспорядок. Я – человек творческий и мне нужен беспорядок.

– Как ты можешь здесь вообще что-то найти, творческий человек?

Мама поднимает с пола один носок и с укором смотрит на Натали, которая невозмутимо пожимает плечами.

– Это для тебя это хаос. А для меня нормальное рабочее место, я знаю, где все находится.

– Тогда где второй носок?

– Где-то.

– Натали, убери в своей комнате.

– Началось. Нормально же общались? Я выключаю музыку и на сегодня заданий хватит?

Натали смотрит на свою маму глазами кота из шрека и та вздыхает и кладет аккуратно тот самый носок на кровать дочери.

– Иди ужинать.

– А что на ужин?

– Какая разница? Мяса не будет, раз ты стала вегетарианкой. Вчера.

– Мама, не вчера! А уже целую неделю.

– Ты вчера ела ветчину.

– А в ветчине нет мяса.

– Тогда забираю свои слова обратно. И иди ужинать. Только, умоляю, надень нечто более приличное.

Когда дверь закрывается, Натали смотрит на свою черную футболку, которая выглядит, как будто бы ее порвали и короткие джинсовые шорты и не понимает, в чем там опять проблема с ее внешним видом. И ничего их никогда не устраивает этих родителей. Натали со вздохом натягивает на себя белую майку и черные лосины, может, так к ней перестанет придирааться ее элегантная и старомодная родительница. А что? Выглядит, кстати, вполне неплохо. Может быть, даже в школу можно было бы так прийти. С тяжелыми ботинками. Такими ботинками, от которых мама аж глаза прикрывает. Она-то носит элегантные лодочки без каблучков. Скучно. Очень скучно.

На столе уже стоит салат, заправленный ароматным маслом – излюбленной приправой мамы. Виктория достает из духовки запеченную рыбу и Натали понимает, что была невообразимо голодна все это время. Когда рыба оказывается перед ней, Виктория с усмешкой спрашивает

– А вегетарианцам можно рыбу?

Натали задумывается на секунду. Вообще, вначале, она думала, что и рыбу тоже не будет есть, но сейчас она сомневается в этом опрометчивом решении.

– Хммм... рыба – хладнокровная. Значит можно.

Радостно объясняет она и вставляет вилку в нежную мякоть красной рыбы. Виктория ест аккуратно, Натали быстро и умудряется испачкать свою белую футболку, которая была

надета специально для ужина. Виктория никогда не ругает ее за это и никогда не ругала. Может быть, поэтому Натали выросла такой неряшливой? Очаровательной, но уж очень неуклюжей и неряшливой. Но она бы никогда не стала винить маму в том, что выросла неряхой. Иногда, когда у нее на футболке появляются очередные жирные пятна и Виктория причитает, что, видимо, – плохая мать, раз не воспитала в Нат элементарную тягу к чистоте и аккуратности, Натали даже огорчается. Ее мама всегда была лучшей мамой на свете. Разве этого не достаточно? Когда твоя дочь так считает. Разве для этого нужно постоянно драить свою комнату и пугаться, если на белую майку свалился помидор из горячего бутерброда с сыром? Она знала некоторых трудных подростков, которые драили свои комнаты и даже никогда в жизни ничего не роняли на майки. Но считали, что их родители их не понимают, не ценят, не слушают и уж точно не стали бы утверждать так рьяно, как Нат, что их мама – лучшая на свете. Отсюда вывод. Разве истинно хорошие родители просто воспитывают в своих детях тягу к чистоте?

– Какие у тебя планы на выходные?

Когда матушка задает этот вопрос, то Натали вся напрягается. Это может значить, что у кого-то из их многочисленных родственников праздник. Натали любит своих родственников, некоторых даже помнит по именам. Но, если честно, очень хотелось бы любить их на расстоянии и не слушать про то, что у нее до сих пор нет жениха. Шестнадцать лет. Все-

го шестнадцать, а она уже иногда ловит на себе печальные взгляды дальних родственников. Хотя, вроде бы они не живут во время царских семей, когда там очень рано отдавали девочек замуж. Впрочем, она не уверена, что правильно назвала эпоху, потому что с историей у нее всегда были очень серьезные проблемы. Как бы там ни было, но некоторые из ее родственников считали, что Натали бы уже сейчас хорошо завести жениха. Или вопрос, кем она хочет стать, когда закончит школу. Ее даже передергивает от перспектив. Натали выпаливает, даже не прожевав рыбу

– Грандиозные. Я очень занята.

– Чем же? отвечай быстро, чтобы я знала, что ты не успела ничего придумать.

– Я уже договорилась с друзьями. У нас там... мероприятие.

Судя по недоверчивому взгляду матери, у Натали не слишком хорошо получается врать. Нат улыбается самой что ни на есть естественной улыбкой, на которую, как ей кажется, она способна. Натали пытается увлечься едой и, возможно, Виктория забудет, о чем хотела поговорить? Или поверит в то, что у нее уже запланировано какое-то невероятно важное мероприятие. Это, конечно, маловероятно. И остается лишь уповать на то, что Виктория увидит, как Натали не хочет выполнять что-то, о чем она пока даже не знает, и решит, что проще оставить ее в покое. Натали не любит врать матери. Но нервы дороже, потом она признается в об-

мане, вот только родственников она не выдержит. Они все, как один, говорят, что она слишком худая и бледная. А что она может сделать, если даже, когда загорает, то кожа ее сначала становится красной, потом облезает, а потом возвращается к этой нелюбимой всеми бледности. Между прочим, когда-то это считалось признаком аристократизма. Но, видимо, ее родственники не были аристократами и с жалостью качали головами, когда произносили «какая же ты бледная, милая... ты, наверное, совсем ничего не ешь?». И как это вообще зависит друг от друга? Ее бледность и то, что она, по их мнению ничего не ест. Она что станет смуглой сочной дивой, если вдруг начнет есть мясо ведрами?

– Ты не проведешь время с бабушкой?

– Неест, мама, нет. Ты же знаешь, что она невыносима. Она всегда была такой, но сейчас стала еще хуже.

– Натали, не говори так о бабушке.

– Может, у кого из родственников день рождения? Там я могу и с бабушкой пообщаться, только не наедине.

– Нет ни у кого нет дня рождения и ты поедешь к бабушке, Натали. Я не так много и часто тебя о чем-то прошу и мне надоели твои капризы. Она твоя бабушка.

– Мама, она даже хуже тебя.

– Ценю твою честность, но это не обсуждается. Будешь чай?

– Мама, нет. Я заболею. У меня что-то какое-то недомогание. Ты же знаешь, что мы с бабушкой совсем не ладим.

– Натали, время идет. Никто не молодеет. Ты смотри, как бы потом не жалеть о своих словах. Да, она сложный человек. Но она – моя мать и твоя бабушка.

– Можно, я ей просто позвоню?

– Ты же знаешь, что это не вариант. Хватит препираться, это всего лишь половина субботы и ничего не случится.

– Половина субботы...

Натали готова выть от отчаяния. Все мечты о хороши выходных улетучились в один момент. Между прочим, Виктория должна ее понимать и не упрямиться. У нее у самой не слишком складываются отношения с бабушкой. У бабушки ни с кем не складываются отношения. Почему Натали приносят в жертву? Она даже судорожно пытается вспомнить, где она успела умудриться так провиниться, что ее наказывают таким образом. Нат хочет еще что-то сказать, как-то возразить, но, когда у Виктории такое выражение лица, то спорить бесполезно. Натали в отчаянии. Она даже не хочет доедать эту вкусную рыбу. Даже аппетит пропал. Правда, когда Виктория ставит перед ней ароматный чай и тарелку с любимым печеньем, настроение у Натали немного улучшается.

– Нужно подумать, что тебе надеть.

– Я же должна быть собой, мама.

Натали произносит это мрачно и обреченно и Виктория вздыхает, но не перечит дочери. Натали назло бабушке и этому не самому желанному мероприятию наденет самые рва-

ные свои джинсы. Может быть, бабушка сама в ужасе ее выгонит.

2.

– Бабушка, при...

Бабушка не дает договорить Натали, закатывает глаза и хмыкает

– Господи, что на тебе надето? Тебя что пытались украсть бомжи? Проходи, Натали. И сколько раз просить тебя не называть меня бабушкой?

– Да, Алиса. Я забыла, извини.

Натали проходит в квартиру бабушки, здесь ничего толком нельзя трогать, нужно переобуваться где-то у лифта и желательно не кашлять и не чихать. Иначе, бабушка, то есть Алиса, скривится так, что захочется зарыться под диван. А лучше убежать. На бабушке шелковый халат в пол и она всплывает в прихожую, когда Натали робко протягивает ей пакет со сладостями. Бабушки же любят сладости. Это, должно быть, так здорово, когда ты пьешь с бабушкой чай на кухне со сладостями. Она помнит, что мама ее отца, ее вторая бабушка была именно такой. Пахнувшей пирожками и причитающей, что Натали такая худенькая и ей нужно кушать больше. Натали мало помнит о той приятной бабушке, потому что та умерла, когда Натали была совсем ребенком. Но она навсегда запомнила, как та вкусно пахла выпечкой,

прикрывала голову платочком и улыбалась с такой нежностью, что Натали казалось, что она – самое дорогое сокровище в жизни этой пожилой женщины. И она, тогда в детстве, обожала моменты, когда родители отвозили ее к бабушке. Та всегда ее так ждала, готовила много всего вкусного и домашнего и показывала свои красивые цветы и маленькая Натали засыпала со спокойной душой, бабушка всегда читала ей сказки.

Бабушка Алиса была другим человеком. Не смотря на то, что она жила на соседней улице, Натали никогда не испытывала желания прийти к ней в гости. Не смотря на то, что они жили так близко, они виделись очень редко, потому что, если уж честно, то не одна Натали считала бабушку очень сложным человеком. К той бабушке, которая была мамой ее отца, Натали ездила куда-то в далекую деревню и готова была ездить каждый день. С бабушкой Алисой все иначе. Иной раз совсем не хочется даже случайно с ней пересечься. Она сейчас заглядывает в пакет со сладостями и улыбается такой дежурной улыбкой. Наверное, у бедной даже скулы светло. Потому что она вроде как улыбается широко, а глазами смотрит так, как будто бы Нат притащила ей дохлую крысу. Бабушка закрывает пакет. Отставляет его в сторону. На столе нарезаны овощи, салат из рукколы с разбросанными поверху креветками, и бутылка дорогого вина, конечно же. Бабушка, заметив взгляд Натали, почти извиняющимся тоном говорит – Извини, дорогая, но я на диете, набрала пару килограмм

и чувствую себя некомфортно.

Бабушка, как обычно, выглядела, как звезда Голливуда и Натали совсем не могла понять, где, по ее мнению, отложились эти самые ненавистные килограммы. Впрочем, сколько Натали помнит бабушку, та все время на каких-то диетах и все время набрала пару килограмм. Натали очень сильно подозревала, что это все было элементом кокетства. Чтобы ей сказали, что она выглядит роскошно. Бабушка улыбается даже доброжелательно, когда нарезает сыр для Натали. Она знает, что Натали любит сыр и Нат немного смягчается по отношению к ней.

– Кстати, дорогая, тебе бы тоже не мешало сесть на диету и забыть, что такое сладости. У тебя появились бока. Или это в этой одежде ты кажешься такой... крупной.

Нет. Рано было смягчаться. Рано было продаваться за кусок сыра, который теперь точно не ползет в горло. Может быть, родственники, которые всегда говорили, что Натали очень худенькая и не были самой большой катастрофой в ее семье. Но почему-то под взглядом бабушки, Натали как-то пытается выпрямиться, может быть, чтобы не было видно боков. Да какие бока? Натали выглядит как модель и даже стеснялась своей излишней худобы. Как модель, это не значит, что она похожа на одну из ангелов Викториа Сикрет. Нет, это значит, что она одна из тех долговязых и неуклюжих девиц, которых могут заметить, потому что они отлично бы смотрелись как вешалки, почти бесполое существа. У нее

не было ни груди, ни пятой точки, она была высокая и несуразная. Долговязая и рыжеволосая, тощая с острыми коленками, но именно бабушка во всем этом «великолепии» увидела отвратительные и жирные бока. Подумать только. Бока. Если Натали ложится на живот, то кости бьются об пол. Бабушка ставит перед ней сыр

– Кстати, сыр тоже не лучший вариант, в нем слишком много жиров. Но уж точно лучше печенья, конечно.

– Я не так часто ем печенье.

– Да? А по тебе не видно. Я шучу, дорогая. Не обижайся.

Только, конечно, Натали мрачнеет, хотя давно было пора привыкнуть к сложному характеру бабушки. Ну разве бабушки не должны постоянно говорить, что их внучка – самая красивая и, что ей нужно съесть еще пирожок? Почему ее бабушка говорит, чтобы она не ела жиры. Бабушки вообще не знают, что в продуктах бывают белки, жиры и углеводы, а, если и узнают, то радуются жирам. А не шарахаются от них и других не заставляют.

Натали угрюмо жует сыр и предложенный ей свежий огурец. Она бы даже отказалась от сыра, но Виктория строго наказала ей быть милой и постараться не поругаться с бабушкой. Не так часто они видятся, в конце концов. И кусок сыра не должен быть страшной историей для ее «жирных» боков. Бабушка внимательно смотрит что-то в своем смартфоне. Поднимает глаза на Натали, словно только что вспомнила, что вообще-то ее навестила ее внучка.

– Как успехи в школе, дорогая? Я слышала ты победила в какой-то олимпиаде.

– В прошлом году.

– А в этом не побеждала?

– Пока нет.

– Ну ничего, все еще впереди, как говорится. А как у тебя с личной жизнью? Тебе кто-нибудь нравится? У меня, в твоём возрасте, помню, не было отбоя от ухажеров.

Да кто бы сомневался.

– Есть один мальчик. Ничего серьезного.

– Один? Ох, милая, ты такая очаровательная. Не переживай, и у тебя появятся поклонники, когда грудь округлится. И тебе бы начать краситься.

Бабушка кивает со знанием дела и Натали хочется вцепиться в ее роскошные иссиня черные волосы. Хорошо, что бабушка быстро теряет интерес к обсуждению ее личной жизни. Наверное, в очередной раз посетовав про себя на то, что, внучке не досталась ее невероятная красота и внучка такая непопулярная. Это же такой позор для бабушки. Бабушка, должно быть, мечтала, что по наследству передаст свою внешность, а получилось так, что Нат не стала второй бабушкой Алисой, у которой не было отбоя от поклонников. А Натали со своими жирными боками, отсутствием груди и навыков макияжа, конечно, не входит в планы таких красавиц, как бабушка. Натали считает минуты до того момента, как сможет встать и откланяться. Исполнить долг внучки

и еще какое-то время пропасть из поля зрения бабушки, созваниваться и не видеть этого ее фирменного взгляда карих глаз. Хотя бабушка любила добавлять, что глаза у нее уникальные – с зеленым ободком. Натали же цинично думала, что перед ней сидит неумолимо стареющая женщина с ро-ем морщин вокруг глаз, но которая почему-то, вместо того, чтобы быть нормальной бабушкой, продолжает молодиться и жить прошлым. Да, она выглядит прекрасно. Но почему нельзя хотя бы час побыть просто бабушкой? Да что в этом постыдного, в конце концов?

Когда они прощаются, бабушка выражает надежду, что они будут видеться чаще, на что Натали кивает, но выбегает пулей из квартиры и думает, что слава Богу, что эта попытка закончилась. Всякий раз бабушка так равнодушно выражает надежду, что они будут видеться больше и чаще и всякий раз они обе с облегчением забывают эти данные обещания.

3.

– Ее невозможно выносить, Давид. Она, честно... ужасная.

– А мне все время так нравится слушать рассказы о твоей бабушке.

– Потому что она похожа на злодейку из любого фильма, а тебе нравятся злодейки.

Он пожимает плечами. Она лежит на его кровати и рас-

смастривает его рисунки. Тот самый мальчик, Давид, о котором бабушка не захотела даже слушать. Он учится в параллельном классе. Мечтает стать художником и иногда носит смешные очки. Может быть, зрение его не такое уж плохое, но очки ему очень идут и он это знает. Он обладает такой модной нынче внешностью, что называется Nerdy. То есть внешность привлекательного умника и всезнайки. Если признаться честно, то он очень нравится Натали, но, конечно, как это обычно происходит по закону жанра, они только друзья. Пусть даже и лучшие, но все же друзья. Натали, как это ни печально признавать, сама себя загнала во френдзону и сидит в ней уже достаточно долгое время. И познакомились и подружились они банально.

Она перешла в новую школу, потому что так решили ее родители и не слушали все ее попытки этого избежать. Эта школа была лучше ее предыдущей и носила гордое название «гимназия». Родителям всегда почему-то хочется, чтобы их дети учились в гимназии. Натали была боевой девочкой и не опасалась, что ее не примут, но у нее были свои друзья, которых она боялась потерять. И, в общем, потеряла. В то самой прошлой и очень обычной школе у нее была компания из двух девочек и одного мальчика, которого все время приходилось защищать от нападков, потому что он был странным малым и они с подругами вроде как как взяли его под крыло. И даже эти люди все равно как-то быстро забыли о Натали, стоило ей перейти в другую школу. Они, конечно,

но, созванивались еще какое-то время и иногда даже пытались встретиться своей неизменной четверкой. Но однажды на вымученную встречу они пришли с еще одной девочкой и Натали поняла, что ей нашли замену. И та девочка, кстати, оказалась совсем неплохой. Она тоже была бойкой и Натали понимала, что этой компании обязательно нужен был кто-то, кто всех бы защищал и отстаивал. Без Нат, наверное, какое-то время они чувствовали себя не целыми, но, когда нашлась «замена», то можно было уже спокойно жить дальше. Она не слишком переживала, потому что и сама устала поддерживать этот театр абсурда. И, в общем, та проблема потери друзей тоже стала казаться ей очень глупой, потому что ничего страшного не произошло. Небеса не стукнулись о землю и вроде бы все были живы и здоровы.

В самый первый день в новой школе ее пытались задирать и провоцировать, но она была к этому готова. Это совершенно нормальная практика с новенькими во всех школах. Натали сама много раз заступалась за новичков в прошлом школе и поэтому к тому, что над ней рыжей и худющей попытаются издеваться, она была готова. Ее точно стали бы испытывать и в первый день в новой школе она шла как на испытание. Не готова была лишь к тому, что за нее заступится смешной долговязый мальчишка в клетчаткой рубашке. Кстати, у нее дома была почти такая же рубашка и она подумала, что было бы забавно, если бы она пришла в первый день в ней. Но он за нее заступился и поначалу она послала его и сказа-

ла, что он придурок и в первый день уже умудрился испортить ее репутацию. Он выглядел ошеломленным и робко попытался возразить

– Я думал тебе нужна помощь.

– И я попрошу тебя больше не лезть со своей помощью. Я прекрасно могу сама за себя постоять. А теперь из-за тебя все подумают, что я неженка, о которую можно вытирать ноги, если рядом нет долговязого спасителя.

– Я ожидал слов благодарности.

– Скажи спасибо, что я тебе руку не вывернула.

– А ты боевая. Я действительно ошибся. Если мне будет нужна помощь, я свистну. Ты не против?

– Ты нарываешься.

Она тогда гордо вскинула голову и отправилась в свой класс. Она действительно была боевой и ее быстро приняли в классе. Натали ничего не боялась, всегда много болтала и умела посмеяться над собой. А, если что, то действительно могла и руку вывернуть. Как оказалось, по этому долговязому, которому она нахамила в коридоре, вздыхала добрая половина школы. И почти все девочки в ее классе. Вот уж действительно, модная внешность. Он не был самым накаченным или самым сильным. Он был очень высоким, носил пафосные очки порой и выглядел как любитель химии, правда из голливудского сериала. Еще он очень красиво рисовал и, наверное, это придавало его образу какую-то романтичность, от которой сходили с ума все девочки. Щеки

Натали вспыхнули, когда он поздоровался с ней на следующий день и одноклассницы набросились на нее с расспросами о том, когда они успели познакомиться. Натали пожалала плечами и сообщила очень равнодушно

– Не понимаю, что вы все в нем нашли. Он совсем не в моем вкусе.

И заслужила авторитет, как самая необычная девочка. Она, кстати, именно тогда даже не старалась. Он действительно был не в ее вкусе. И все же она подошла к нему, чтобы извиниться за свое хамство и, как оказалось, они жили рядом и из школы и в школу ходили вместе. С тех пор и началась их дружба. Натали раздражало, что он нравится всем и она шла против системы и дружила с тем, о ком все девочки вздыхали. Когда она рассказала о нем матери, то Виктория просто сказала, что Натали нравится быть не такой, как все. И что он ей не нравится только по той причине, что нравится всем. А не потому что он, как она рассказывает, не в ее вкусе.

Ужасно было однажды засыпать и подумать о том, а как он целуется. Ей аж самой стало противно от того, что она допустила эти мысли. Он ведь ее друг. Она даже пыталась свести его с одной из одноклассниц, правда, слукавила, потому что точно знала, что та не придется ему по душе. Потом Натали приревновала его к какой-то блондинке на класс младше и не разговаривала с ним весь день, а он не мог понять, чем ее обидел. Признаться она, конечно, не могла и пришлось сделать вид, что просто было плохое настроение из-за неуют-

ной оценки по истории. И ее раздражали те эмоции, которые она ощущала, когда он в коридоре улыбался другим девочкам. Пару раз он ей приснился и она огорчилась, что он не поставил смайл в конце сообщения «спокойной ночи». Пришлось признаться самой себе, что он ей очень нравится. Но лучше уж съесть стряпню бабушки, чем признаться ему или еще кому-нибудь. Бабушка готовит отвратительно, к слову. И умереть можно. Так что Натали предпочла бы смерть, чем рассказать Давиду о своих чувствах. Она честно долгое время думала, что это пройдет. Так помешательство. Которое просто не должно быть долгим. Но становилось только хуже.

Она натывается на рисунок какой-то злой ведьмы с хищными глазами, наверное из мира фэнтези. Тыкает в него пальцем.

– Вот прямо моя бабушка в молодости.

– Я видел фото, она была очень красивая.

– Подумаешь. Банальная красота.

– Ты говорила, что она побеждала на конкурсах красоты.

– А там всегда побеждает банальная красота.

Натали невольно дуетса. Когда Давид говорит, что ее бабушка была очень красивой, она впервые жалеет, что не пошла внешностью в нее и что тут генетика обошла ее стороной. Если бы у нее были такие же черные волосы и хищные глаза, то Давид не был бы просто другом, а рисовал бы ее. А не копию ее бабушки в молодости. Ей даже становится

немного обидно. Но ведь это глупо ревновать своего друга к своей бабушке. Даже к фото своей бабушки в молодости. Какой бы там красавицей она ни была.

4.

В школе все было, как обычно. Снова плохая оценка по истории, Натали уже даже не огорчается по этому поводу. Виктория может огорчиться, и только этот момент причиняет Нат беспокойство. Да и то, положив руку на сердце, Нат не может сказать, что как-то очень сильно переживает по этому поводу. Впрочем, Виктория тоже привыкла к тому, что ее дочери некоторые предметы не даются, а Натали до того упряма, что не собирается в них вникать. Натали действительно не понимает, зачем ей то, что ей не интересно, когда абсолютно логичным является тот факт, что с этими неинтересными предметами она в будущем не хочет иметь ничего общего. И, если ей не даются запоминания дат, то что тут можно поделать? Она распахивает дверь квартиры и буквально на пороге сталкивается с отцом.

– Детка, ты, как обычно. Сродни урагану.

Из его рук выпадают какие-то документы. Натали бросает на них короткий, но, как ей кажется, очень красноречивый взгляд. В последнее время у отца с матерью дела не ладятся. Они даже почти не разговаривали. Отец подолгу пропадал на работе, а Виктория делала вид, что ее это не волнует. А, может, действительно не волнует, что, кстати, даже Натали

понимает, является гораздо более худшим развитием ситуации. Они не ругаются, как многие родители ее сверстников. Они не предъявляют друг другу постоянные претензии, которые выглядят как глупые придирки, а на деле просто попытки достучаться до собеседника. Они не оскорбляют друга друга. Ни в чем друг друга не обвиняют и вообще выглядят образцово показательным семейством. Почти все сверстники Натали даже ей завидуют. У нее такие спокойные родители, такая прекрасная и любящая семья. Они не скандалят и вроде как психика подростка Натали совершенно не затронута таким образом, что она могла бы рыдать в подушку, а потом начать убивать, а на суде говорит «мои родители просто презирали друг друга и мне было сложно находиться во всем этом». Нет, такого не было. И действительно почти все считали, что ей невероятно повезло. По многим меркам, но Натали считает, что вот это их равнодушное «терпение» друг друга только создает совсем нездоровую атмосферу в квартире. Хоть бы поорали друг на друга что ли. Высказали все то, что накопилось и в воздухе витало неммым укором. Почему-то иногда кажется, что это может помочь. И ведь действительно. Порой помогает. Но что-то, какой-то противный внутренний голос, подсказывал Натали, что ее родители уже слишком долго ждали. И, возможно, как это было ни прискорбно осознавать, – опоздали.

Натали наклоняется, чтобы помочь отцу поднять документы, которые он уронил, но он резким и очень ловким дви-

жением подхватывает их прямо под ее носом. Что заставляет ее поднять одну бровь. Слегка недоверчивый жест.

– Документы на развод или чек на подарок любовнице?

Отец удивленно смотрит на Натали и качает головой, улыбнувшись и даже ничего не ответив. Вроде как ее догадки настолько абсурдны, что он даже не считает должным на них отвечать. Впрочем, он не слишком удивлен этому ее поведению. Хотя, что она ждала. Считалось, что у нее были небольшие проблемы с чувством юмора, вроде как она больше предпочитала сарказм. Поэтому, даже когда она вроде как старалась говорить серьезно, ее родители все равно почему-то воспринимали это как сарказм или иронию. Наверное, сейчас была именно такая ситуация, когда ее папочка не слишком понял, что она, в общем-то, была достаточно серьезной. Он даже улыбается в ответ на ее слова. Как будто бы пытается приободрить, что она пошутила неудачно, но он ее шутку понял и ничего страшного, рано или поздно она или перестанет шутить или, напротив, научился шутить таким образом, что все будут хвататься за животы.

Она не помнит, когда начался этот холод между ее родителями. А, может, была увлечена своими делами, своим переездом, страданиями по тому, что потеряет друзей и что теперь ей придется осваиваться в новой школе. Это не такие уж были страшные страдания, но она почему-то думала, что какое-то время обязательно должна пострадать, иначе будет выглядеть, как бесчувственная Натали. И, конечно,

она не слишком обращала внимание на отношения между родителями. А что многие подростки как-то это анализируют? Если такие и есть, то это точно не о Нат. Может быть, если бы она хотя бы попыталась, то она бы заметила этот ход между ними. Возможно, что и заметила бы тот самый разрушительный момент, если бы потрудилась.

А, может быть, она и вовсе не хотела ничего замечать. Она всегда гордилась своей семьей. Между ее родителями была и нежность и какая-то интимная тайна. Они все время друг другу улыбались. Иногда отец мог сказать что-то такое, совсем несмешное по мнению Натали, но потом бросил взгляд на Викторию и она украдкой улыбалась. У них были свои секреты, которые Нат никогда не понимала и даже не пыталась вникнуть. Но ей нравилось. Что между ними есть эти немного ребяческие моменты. Они не выглядели чужими людьми и постоянно друг друга касались. Это ведь не слишком принято у тех пар, которые вместе уже долгое время? у таких пар касание превращается в привычку. У родителей Нат это было чем-то интимным, скрытым от посторонних глаз, но обязательным. За ужином Виктория обязательно протянула бы руку и накрыла бы ею ладонь отца. Это казалось таким логичным и очевидным, что Натали не сразу заметила, как этот маленький ритуал прекратился. А, когда заметила, то было уже много всего. На редких вылазках в ресторан ее родители теперь садились друг напротив друга. И Натали, рассматривая пары в ресторанах, понима-

ла, что друг напротив друга садились лишь те, кто раздражался от своей второй половинки. Не нужно было быть отменным психологом, чтобы это понять. Даже близкие друзья, между которыми ничего не было, садились вместе. Натали с Давидом никогда не садились друг напротив друга. Хотя, их можно было назвать всего лишь друзьями. Им даже не надо было касаться друг друга. Просто они всегда садились рядом. А родители Натали сидели друг напротив друг и обменивались дежурными фразами. Виктория любила готовить и у нее это получалось очень хорошо. Всякий раз, когда Натали прибегала вечером домой и чувствовала запах еды, она просто с ума сходила от нетерпения и подпрыгивала на месте. Но Виктория строго говорила, что сначала нужно дождаться отца. Натали просто не выносила эти моменты и всегда пыталась уговорить Викторию, что нечего ждать отца. И что он вполне справится и без того, чтобы есть всем вместе. Но Виктория всегда была непреклонна. Это было тоже своеобразным ритуалом и она не была намерена от него отходить из-за того, что Натали сходила с ума от голода.

В один прекрасный день, Натали так же примчалась домой, совершенно голодная и даже какая-то взъерошенная и Виктория сказала, чтобы она садилась есть. Потому что отца они ждать не будут. На лице матери не было расстройства и не было горечи. Она просто в один день перестала ждать своего мужа к ужину. То есть она все так же его ждала, но сейчас уже не видела ничего зазорного в том, чтобы

просто разогреть для него то, что она приготовила. Нат ела с пылу с жару, как говорится, а ее отец пришёл и разогрел все это в микроволновой печи. Еда была такой же вкусной. Просто они не ужинали все смете. А Нат смотрела в телефоне что-то, Виктория смотрела сериал, а отец один разогревал себе ужин. И Натали не сразу поняла, что это было тревожным знаком. Ей казалось, ну и что такого страшного? Подумаешь. Ей же лучше. Ничего страшного. Она ведь всегда так хотела не ждать отца, всегда ей хотелось есть и она буквально с ума сходила и ей казалось, что ее хотят заморить голодом. Она столько раз произносила это «давай не будем его ждать и поедим», что сначала ей даже не показалось странным, что Виктория перестала упрячиться. А потом маленькая традиция ждать отца превратилась в традицию его не ждать.

И сейчас она смотрит вслед отцу, который удаляется в спальню с теми бумагами, что выронил и почти уверена, что там чек на подарок любовнице. А, может, документы на развод. По крайней мере, что-то из этих двух вариантов. Ей бы больше хотелось, чтобы это было подарком. Это бы не казалось таким необратимым моментом. Ей хочется позвонить Давиду, потому что сердце ее будет разбито, когда она убедится в своей правоте. Она всегда себя выставляла такой мудрой девочкой, могла найти слова буквально для кого угодно. Дерзкая и смелая, она слыла той, которая никогда не плачет. Она всем и всегда говорила, что ко всему надо относиться проще. А сейчас в горле у нее ком. И пусть кто-

то бы только рискнул сказать ей, что ко всему надо относиться проще. Она бы, наверное, накинул на этого несчастного.

Отец в спальне, мамы нет дома, наверное, где-то с подружками. А на столе не стоит ужина. И мама даже не сделала для отца маленькие сэндвичи под стеклянной крышечкой. Просто какая-то переваренная паста, равнодушный ужин. Никаких тебе сердечек кетчупом и никакого проявления заботы. Натали хочется плакать, но откуда она вообще взяла, что плакать постыдно? Она хлопает дверью в свою комнату, потому что злится на своих родителей. На маму, которой нет дома и которая не приготовила отцу маленькие сэндвичи и не нарисовала кетчупом сердце. На отца, который закрылся в спальне, в их с мамой спальне, с какими-то документами, которые точно окажутся мерзкими бумагами на развод. На себя. Она вспоминает свой разговор с Давидом месячной давности.

– Иногда мне кажется, что мои родители друг друга ненавидят.

Произносит Давид и протягивает ей банку кока-колы. Натали сидит на подоконнике и старается курить так, чтобы дым не попадал в комнату. Виктория ее просто убьет, если узнает, что Натали курит. Откровенно говоря, Нат даже не уверена, что это можно назвать курением, ей кажется, что затягиваться она так и не научилась. Пару раз пыталась, но кашляла так, что чуть не упала прямо на асфальт, поэтому

решила бросить эти попытки. Правда, кто-то как-то ей сказал, что можно сразу понять, затягивается ли человек, мол Натали выдувает слишком много дыма. Теперь она запрокидывает голову наверх и старается выдувать дым порционно. Хотя иногда ей даже кажется, что вроде бы она затянулась и легкие наполнились никотином. Но это скорее исключение, нежели правило. Но Давид курил и ей казалось это... крутым. Глупость ужасная, она и сама это прекрасно понимала, но ей так нравилось, когда в фильмах девушки курили. И ей честно казалось, что и Давиду тоже такое придется по душе. Если она так жеманно и уверенно будет держать сигарету в пальцах. Она смотрелась в зеркало, но у нее не получалось так красиво. И все же она старалась. К тому же, ей нравилось, что Давид учил ее затягиваться. У нее так и не получилось, она кашляла, как ее покойный дедушка. Конечно, до того момента, как он стал покойным. Она даже умудрилась курить в своей комнате, когда Давид приходил к ней после школы. До того хотелось произвести на него впечатление. Хотя что толку? Она курит на подоконнике, свесившись в окно, а потом долго брызгает комнату освежителем. Наверное, это смотрится даже менее круто, когда она сто раз заставляет его обнюхать ее. Да, она очень круто может достать сигарету из пачки и иногда даже попытаться красиво выпустить дым. Но потом она превращается в испуганного ребенка, который трясется того, что Виктория так приметается и задаст один простой вопрос

– Нат, ты что курила?

И Натали от страха начнет заикаться, как покойный де-душка. Да он и кашлял и заикался. Совершенно точно не сможет сказать правду, но ее красное лицо выдаст ее с головой, когда она попытается солгать. Она слукавила. Если Виктория узнает, то не будет ее ругать, но покачает головой так, что, честное слово, лучше бы отругала. Это куда страшнее.

Она открывает банку кока-колы, двигается, чтобы освободить место для Давида, который тоже прикуривает и так же свешивается в окно. Натали засматривается на его взъерошенные волосы. С ними играет ветер и ей самой становится тошно от этого проскользнувшего в ее голове сравнения. Она себя ощущает героиней подросткового романа, хорошо, хоть не подумала, что даже ветер влюблен в него или еще какую сопливую чушь. Она же всегда сама морщилась от таких статусов в социальных сетях, а сейчас еще немного и сама заговорит этими статусами, да еще и с придыханием, наверное. По правде говоря, она сдерживается, чтобы не исписать его именем всю свою тетрадку. Иногда она благодарна этому миру, что родилась такой бесталанной и не может писать стихи. Иначе точно бы сочинила нечто такое, за что потом было бы мучительно стыдно, даже если бы об этом знала лишь она.

– Твои родители даже не живут вместе. С чего им друг друга ненавидеть?

Давид жил со своим отцом, наверное, поэтому, не смотря на то, что он был долговязым и взъерошенным мальчишкой в смешных очках, он оставался самым популярным мальчиком школы. От него как-то веяло такой спокойной мужественностью и девочки это, конечно, чувствовали. Натали почему-то казалось, что все мальчики, которых воспитывают отцы, должны быть окружены такой аурой спокойствия и мужественности, даже если они выглядят как умника с олимпиады по физике. Натали всего пару раз видела его маму. Это была миниатюрная и суетливая женщина с короткой стрижкой и птичьими чертами лица. Давид взял от нее только цвет глаз – зеленый, как спелая трава. Во всем остальном он был как две капли воды похож на своего отца. Тот, правда, очень много работал, поэтому Натали не так часто с ним пересекалась, но он был очень приятным мужчиной. Она не говорила Давиду, но в глубине души понимала его отца. Ей тоже не слишком была по сердцу миниатюрная и нервная женщина, которая была его матерью. Своего отца она понять не могла. Как могла быть кому-то не по душе Виктория? Для того, чтобы обидеть маму Натали, нужно быть полным идиотом и, значит, ее отец был полным кретином. Мама Давида не была даже красавицей. И она почти никогда и никому не смотрела в глаза и все время выглядела недовольной, наверное, с такой женщиной было бы сложно жить.

– Мама все время подкалывает отца, он долго делает вид, что не замечает этого, а потом взрывается. Они ругаются. И,

когда ссора заканчивается, то в воздухе витает такое напряжение, что хоть ножом режь. Даже домой не хочется возвращаться, в такие моменты отец сам не свой.

– Радуйся. По-моему, все очевидно. Твои родители просто до сих пор любят друг друга.

Ей порой так нравилось выстреливать такими фразами, она напускала на себя умный вид и, должно быть, выглядела достаточно смешно или забавно. Но ей нравилось, что она была такая мудрая сова. Иногда, если уж честно, она даже репетировала вот такие, как ей казалось «мощные» фразочки перед зеркалом. Почти, как курение, только с фразами получалось чуть более удачно. Интересно, Давид был согласен с ее умозаключениями?

– Любят? Нат, ты часто бываешь очень проницательной, но не в этом случае, ты прости.

– Я знаю, о чем я говорю.

– Тебе легко рассуждать. Когда у тебя в семье все так хорошо и твои родители самая идеальная пара, из всех, кого я видел и встречал. Хотелось бы мне быть таким же. Или, чтобы мои родители были такими.

– Мои родители скоро разведутся.

Она произнесла это так просто, что Давид даже не сразу среагировал. А потом слез с балкона и потушил сигарету в банке с водой, которую Натали всегда держала, чтобы не кидать окурки на улицу. Она где-то прочла, что эти сигареты могут съесть птицы, котята или щенки и отравить-

ся. Поэтому очень не лояльно теперь относилась к окуркам на асфальте. Не то, чтобы она ходила и собирала, пытаюсь спасти голубей, но, по крайней мере, бросала на окурки не слишком дружелюбные взгляды и ей думалось, что свой вклад она внесла.

– Что ты такое говоришь?

– Ты не расслышал? Мои родители скоро разведутся. Они так остыли друг к другу, что нет смысла все это продолжать.

– И ты так легко об этом говоришь?

В его тоне сквозит непонимание. Но она улавливает так же и легкое восхищение. Он восхищается тем, как она просто не устраивает истерик и как зрело может мыслить такая хрупкая девочка, как Натали. Что еще нужно подростку в ее возрасте? Восхищение и признание ее величия и зрелости. Она готова растаять.

– Я считаю, что не нужно пытаться сохранить то, что уже разрушено. И мне хочется, чтобы мои родители были счастливы. Раз у них не получается сейчас быть счастливыми вместе, то почему бы им не быть счастливыми по раздельности?

Лицемерка. Какая же она тогда была лицемерка. Она просто красовалась перед тем, кто ей нравился. Она как будто бы смотрела на себя со стороны и ей нравился этот образ. Как будто бы она перепрыгнула из одного сериала, в котором сопливо думала, что с волосами Давида играл ветер, в другой. В котором она была мудрая девочка с равнодушием.

ным взглядом и сигаретой в зубах. Ей казалось, что у нее даже взгляд был такой, умудрённый горьким опытом, словно она уже столько всего повидала на своем пути. Она даже не может сейчас сказать, верила ли она тогда в то, что несла с таким умным видом. Может быть, она это все выплевывала по той причине, что не могла даже представить, что такое может произойти. Наверное, в тот момент такое развитие событий действительно казалось ей чем-то нереальным. Это, как с равнодушным видом вещать о смерти и о том, что ее ты не боишься. А на деле просто никогда не сталкивался с ней лицом к лицу. Кстати, этим Натали тоже грешила, рассказывая, что хочет умереть молодой, чтобы не быть морщинистой и старой. Правда, это было в семь лет. И, кажется, единственной, кто не покачал головой, тогда была ее бабушка. Та самая, которая не умеет печь пирожки и с которой общаться – пытка. Наверное, просто толком не слушала, что там говорила Натали, когда встала на стул и сначала мучила домашних своими стихами, которые выучила, потом песнями, а потом и вовсе стала философствовать. Может, просто бабушка оглохла от ее песен и поэтому философии не уловила, кто знает. Больше Натали не несла такой чуши, но, как выяснилось, она могла нести другую чушь с таким же «умным» выражением лица, как в семь лет.

В разговоре с Давидом тогда она и лицемерила и красовалась и выпендривалась и старательно подбирала слова и даже тон, чтобы поразить его в самое сердце. Он, кстати, не пора-

зился. То есть он ее, конечно, сам того не ведая, подстеги-вал своим восхищением и тем, что три раза спросил, как ей удается так легко смотреть на вещи. Но все же он не был виноват в том, что она зачем-то решила ему доказать, что она очень зрелая и мудрая. Может быть, совсем немного, потому что был до того красивым и от него так вкусно пахло, что ее несчастная голова шла кругом. И она могла сказать ему все, что угодно, только бы он еще раз посмотрел на нее с восхищением. Он посмотрел, но не так долго, как ей бы хотелось. Так что, может, зря она тогда лицемерила таким образом. Проще было бы сказать, что она хочет убить учителя истории. Может быть, Давид поразился бы даже больше, а она на кураже действительно убила бы несчастного учителя.

Нет, она не хочет, чтобы ее родители были счастливы по отдельности. Она бы даже согласилась, чтобы они были не такими уж счастливыми, но вместе, как нормальная семья. Ей хочется, чтобы ее семью все еще продолжали считать идеальной. Пусть Давид бы так же хотел, чтобы его родители были такими как ее родители. Или мечтал о таких же отношениях в будущем для себя. Ей нравится, что ее семью ставят в пример. Им нельзя расходиться. Это будет неправильно. Глупо. Страшно. Она не хочет выбирать с кем ей жить. Конечно, она останется с мамой, но как быть с отцом? Ей нравится, когда в доме пахнет мужской туалетной водой и нравится, что по вечерам отец ее встречает у остановки и они вместе идут домой. А иногда едят мороженое и говорят

о музыке. Отец страстно любит музыку. Она не хочет, как Давид, жить только с отцом и постоянно находиться между двух огней. Она не хочет жить только с мамой, когда в доме совсем не будет пахнуть мужскими духами, а вдруг потом запахнет? Потому что придет какой-то чужой человек, которого Натали должна будет звать папой? Нет, это исключено. Ей стыдно за эгоистичные мысли, но она не думает, что пришло для них время, чтобы быть счастливыми по раздельности. Они должны подумать о ребенке. То есть о ней. Вдруг, у нее будет травма? Вдруг она сама больше никогда не сможет построить ни с кем никаких отношения и перестанет верить в любовь. Разве родители не должны думать о благе своего ребенка? И только об этом. Натали главный человек в их жизни и они ведь должны считаться с этим...

Спустя пару часов всех этих мыслей, от которых голова шла кругом, просмотра слезливых видео и нескольких сообщений Давиду (конечно, не сопливых), Натали решила, что, в принципе, она почти готова принять то, что ее родители больше не вместе. Она посмотрела, как людям дарят щенков и они радуются, поэтому решила, что в знак компенсации тоже потребует щенка. Возможно, даже запишет видео и станет звездой. Ей все еще было трудно и она осознавала, что жизнь поменяется. Так же она понимала, что странно и подло с ее стороны было бы заставить их держаться вместе, когда у них еще есть время встретить кого-то и зажить спокойной жизнью. Встретить кого-то! Сложно понимать, что роди-

тели могут быть с кем-то другим. Но, с другой стороны, Натали в прошлой школе была почти влюблена в своего соседа по парте, но их пути разошлись и сейчас ей нравится Давид. Скажи ей о том, что придется всю жизнь любить лишь одного соседа по парте, да она пожизненно впадет в депрессию. Так чем хуже ее родители? У них тоже должен быть шанс быть счастливыми. А у Натали может быть целых две семьи. Ну и что в этом плохого? Много подарков на праздники и вкусная еда. Может быть, ей даже понравится ее мачеха и отчим, может быть, она будет смеяться над тем, что так переживала. Она почти убедила себя в этом, лежа на кровати лицом вниз. Поэтому, когда услышала голос матери

– Натали, пора ужинать!

Она только угрюмо ответила в подушку

– Иду, мам.

– Что?

– Иду, мам.

– Не слышу.

Натали пришлось оторвать голову от подушки и крикнуть

– Иду мам!

Принимать благородные и правильные решения было сложно. Даже если ты не слишком веришь в то, что действительно приняла эти решения. Но, по крайней мере, она пыталась убедить себя. Это вымотало Натали за вечер и она поняла, как сильно проголодалась. Интересно, что там на ужин?

Отец читает книгу, прямо сидя за столом и ленивоковыряя пасту, которую приготовила Виктория. Лучше всего у Виктории всегда выходила паста карбонара, Натали готова была есть ее постоянно и плевать на то, что она была жирной и калорийной. Между прочим, все считали, что Нат была очень тощей, кроме ее бабушки. Но у бабушки вообще не все были дома и хорошо, что никто не слышит этих мыслей. Бабушка же умудрилась как-то рассмотреть бока, такие же жирные как паста карбонара. Значит, у нее уже маразм. Паста ароматно лежит в тарелке, Виктория наливает себе бокал вина и кладет совсем немного еды. Рассеянно смотрит куда-то в окно и спрашивает, как у Натали дела в школе. Натали, конечно, догадывается, что это для того, чтобы заглушить тишину. Натали понимает, что не ей одной не очень комфортно этим вечером. Может быть, она вообще меньше всех пострадала, но жалела себя, определенно больше всех. Ей становится стыдно, что она несколько минут назад еще совсем не желала счастья своим родителям и думала о том, чтобы они должны быть немного несчастны для того, чтобы Нат оставалась счастливой. И поэтому бойко отзывается

– Учительница по истории меня просто ненавидит. Снова поставила мне плохую оценку. (здесь Натали видит, как брови матери поползли вверх, поэтому быстро продолжает, чтобы не вступать в диалоги по поводу своей не самой луч-

шей учебы), зато математика, как обычно, прошла отлично. Я иногда вообще думаю, а, может мне стать математиком? Что они вообще делают?

– Тебе нравится математика по той причине, что больше она никому не нравится. Среди девочек не принято любить математику.

– Мама, ты все портишь. А что принято любить среди девочек? Что ты любила в моем возрасте?

– Историю, литературу...

– Занудно. А ты, папа?

Он, как будто бы и не слушал их разговор, поднимает глаза на дочь и воспроизводит в голове то, что она только что сказала.

– Литература и языковые науки.

– Видимо, вы меня удочерили.

Ее дурацкая шутка ненадолго сплотила ее родителей, потому что хмыкнули они почти одновременно и Натали удовлетворенно накрутила спагетти на свою вилку. Снова повисла пауза и отец раздражающе шелестел страницами своей книги. Так противно. Как будто бы осенью листья падают. Натали никогда не любила осень. Вот, кстати. Родители были неправы. Все не любили осень и Натали была в общей массе. Хотя могла бы говорить «ах унылая пора». Но даже ее оригинальности для этого не хватило. А мама задумчиво смотрела сквозь бокал своего красного вина и почему ей так нравится именно красное вино? Натали его пробовала.

Делала глоток у мамы и на всяких сборах с друзьями и ей не нравился вкус. Впрочем, ей вообще не слишком по душе был вкус алкоголя и то, как от него гудела голова.

Ужасно непривычно, когда родители вот так сидят вроде бы вместе. Но не разговаривают почти. Было лучше, когда они не ждали отца и ужинали вдвоем с мамой, сейчас ей кажется, что кто-то из них точно лишний. И ей бы хотелось думать, что лишней была она, но глупо было бы на это рассчитывать. Натали бросает взгляд на свой телефон. От Давида приходит сообщение и она чувствует, как ее губы расплываются ну в очень идиотской и влюбленной улыбке, хотя он и написал-то всего лишь

И как ты понимаешь эту математику? Я бьюсь над домашним заданием уже час и сдаюсь. Завтра встретимся раньше и ты дашь мне списать.

Там еще стоит смайлик, который подмигивает. и она переносит этот смайлик на его лицо и представляет, как он ей подмигивает из-за своих модных и так идущих ему очков. Она так часто делает. Если он ставит чертика, она представляет, как он злится, но не очень, а так дерзко. А, если ставит поцелуй, то она представляет... Впрочем, понятно, что она представляет и почему ее щеки в такие моменты иногда заливаются пунцовой краской. Хорошо, что нет каких-то еще более похабных смайлов. Иначе она бы просто лопнула от стыда. За свои мысли по отношению к лучшему другу.

– Наверное, Натали опять написал ее очкарик.

Задумчиво произносит отец и Натали закатывает глаза, а Виктория прыскает от смеха, правда в руку. Но Натали все равно замечает это и молнии летят так же и в мать.

– У него есть имя, папа.

– Что серьезно?

– Не смешно. Твои шутки, видимо, устарели.

– Да я и сам не молод.

Виктория улыбается и смотрит на него. На долю секунды, Натали кажется, что все будет хорошо и Виктория смотрит все таким же влюбленным взглядом на ее отца и своего мужа. Отец поднимает взгляд и встречается и со взглядом матери. Этот момент такой интимный, что вот сейчас Натали точно ощущает себя лишней, но это ее не огорчает. Они очень быстро отводят глаза, но ей кажется в эту минуту, что еще не все потеряно. Если Виктории все еще по душе глуповатые шутки отца, значит не все потеряно. Натали знает, что на самом деле окончательный разрыв случается тогда, когда шутки твоего возлюбленного кажутся тебе глупыми и больше ты над ними не смеешься. Когда Давид шутит, Натали поражается его тонкому и изящному чувству юмора. Хотя, пусть он и был самым популярным мальчиком школы, но ходили слухи, что с чувством юмора у него были проблемы. Поэтому и шутил он редко, а, может и вовсе не шутил. Но его неуклюжие попытки казались усладой для ее влюбленных ушек.

В общем, так. Все можно сохранить до тех пор, пока его шутки вызывают у тебя улыбку. Как только на его сообщение

со смешной картинкой, ты смотришь непонимающе в экран, а потом отправляешь не смайлик, у которого слезы смеха; то пиши пропало. Значит все. Еще хуже, если в ответ на какую-то вроде бы очень остроумную шутку, ты шлешь смайлик, на котором обезьянка закрывает глаза, или уши или рот, а, может быть, и все сразу. Вот в этот момент чувства безвозвратно уходят. Можно начинать смотреть по сторонам в поисках другого.

Виктория пока улыбалась шутке отца. Натали еще могла надеяться.

6.

Кстати отец Натали никогда не нравился бабушке Алисе. Нат не слишком много помнит из детства, наверное, это нормально? Но помнит, как они всей семьей, тогда еще дружной, приезжали к бабушке. Тогда бабушка жила с каким-то красивым мужчиной, но Натали не помнит его имени. Не то, чтобы бабушка вела распутный образ жизни, но многих «дедушек» Натали так и не запомнила. Виктория всегда говорила, что ее мать просто была очень популярной среди мужского пола. И отвечала им взаимностью. С другой стороны, у бабушки ведь даже не было подруг. Эта женщина не выносила никакой конкуренции и порой говорила про мужчин со своей фирменной жеманностью «мой добрый друг». Конечно, про тех мужчин, которые просто крутились около нее.

Нат вспоминает еще, как она была совсем крошкой, а бабушка шла с ней по улице и бабушке постоянно говорили комплименты. Продавцы, просто прохожие. Бабушка на все это реагировала так естественно и привычно. Натали же до сих пор вспыхивает как новогодняя елка, когда кто-то сумасшедший вдруг говорит ей, что она красивая. Если честно, так однажды сказал только продавец на рынке, когда они с Викторией выбирали помидоры. Но даже тогда Нат вспыхнула. Хотя, бабушка бы даже не обратила на такие знаки обожаания внимание. Вокруг бабушки всегда крутилось множество мужчин. И Виктория не избегала расспросов о своем отце, но никогда его не знала. Бабушка же встряхивала черными волосами и говорила, что этот подонок бросил ее, когда она была беременна. Всем своим видом она показывала, что ей совсем не хотелось продолжать эту тему. И Виктория в какой-то момент, конечно, сдалась и перестала пытаться. Бабушка твердила, что отец Виктории был таким подонком, которого и знать было бы стыдно. Натали сейчас уже сильно в этом сомневалась и думала, что бабушка сама от него сбежала, потому что несвободные оковы ей всегда претили. Ей было проще принимать помощь сразу от нескольких влюбленных в нее мужчин, чем выйти замуж, к примеру, за одного. Виктория ни в чем не знала отказа. Кроме любви своей матери.

Натали тогда была крошкой, которая сидела на руках у отца. Дверь распахнулась и бабушка встретила их в коротком

платье и на высоких каблуках. Даже язык бы не повернулся назвать ее бабушкой. Отец тогда переглянулся с Викторией и закатил глаза. Виктория поджала губы и покачала головой. Даже тогда в этом жесте, Натали усмотрела немую просьбу не обращать внимания и немного потерпеть. Сколько потом еще Натали видела этот взгляд, когда так же закатывала глаза. По мимике Натали всегда была идентичным близнецом своего отца. И Виктория реагировала на закатывания глаз одинаково. Немой просьбой потерпеть. Абсолютно любое торжество или визит заканчивались бенефисом бабушки. Она томно закидывала ногу на ногу, потягивала крепкие коктейли, почему-то ей очень нравились они. Она даже завела какой-то ящик для зонтиков для коктейлей, чтобы создавать видимость того, что она, по всей видимости, на карибских островах. И это могло бы быть смешным, но все признавали, что бабушка выглядела очень эффектно. Как бы Натали это ни отрицала, но она сама восхищалась бабушкой и страшно хотела на нее походить. Потом это прошло, с возрастом Натали перестало казаться, что ей хотелось быть, как бабушка. Но, когда она была обычным ребенком, то ей очень хотелось быть такой, как бабушка. С этим ее статным ростом, красивой фигурой, черными волосами и кошачьими глазами. Она была хищницей в каждом движении. И хищно нападала на отца Натали.

– Я так счастлива, что Виктория предпочла любовь, а не материальные блага. Видимо, мне удалось воспитать

в ней благородство и отсутствие корысти.

Жеманно растягивая слова, произнесла тогда бабушка и Натали заметила, что все заметно напряглись. Даже «дедушка» с незапоминающимся именем. Виктория и вовсе сжала вилку таким образом, что у нее побелели костяшки пальцев, а у отца на губах заиграла очень натянутая улыбка. Натали тогда не понимала, что такого сказала бабушка, она же похвалила и маму и папу. Только Нат тогда в той компании улыбалась искренне и не понимающе. Еще и бабушка. Но на невозмутимость бабушки вообще мало, что могло повлиять. Она тогда еще пару раз вот так сказала что-то про маму и отца, что показалось Натали очень милым и ласковым, а потом с мягкой улыбкой произнесла уже в коридоре – Ах, как жаль, что вы уходите. Мы ведь так хорошо общались. Приезжайте почаще.

Потом коснулась холодными и красными губами щеки Натали и помахала на прощание уезжающей семье. Натали теперь скажет, что бабушка почти всегда произносила это «приезжайте чаще», но с каждым разом верить в ее желание было все сложнее и сложнее. Буквально недавно, после того, как бабушка разнесла в пух и прав бока Натали и посоветовала ей перестать есть жиры и углеводы, а лучше вообще питаться воздухом, бабушка так же лицемерно и равнодушно произнесла, что ей бы хотелось видеть Нат чаще.

На обратном пути в машине, Виктория бушевала, а отец держал руку на ее острой коленке.

– Воспитать во мне благородство и отсутствие корысти. Ты это слышал? Она вообще не занималась моим воспитанием. Если бы занималась, то я могла бы превратиться в такого же монстра, как она.

– Сегодня она всего лишь пять раз напомнила о моей финансовой несостоятельности.

– Видимо, была не в духе.

Виктория всегда смеялась колокольчиком и Натали прекрасно помнит, что тогда, сидя в машине, и мало что понимая, она была уверена, что за этот вечер смех мамы был лучшим событием. Хотя тогда, она даже могла сказать, что была на стороне бабушки. И почему родители на нее так набросились, когда она их хвалила? При всех. За столом. Она говорила, что мама молодец и в ней нет каких-то плохих качеств. Ведь Натали была с этим согласна и искренне не могла понять, что так сильно могло огорчить Викторию.

Память Натали старалась стирать такие неприятные моменты, которые были связаны с бабушкой, но, конечно, она не могла приказать ей. Пару лет назад, они с Викторией посещали бабушку, которая была в больнице. Натали сначала испугалась, когда узнала, что бабушка находится не дома, а на лечении, но Виктория успокоила ее, сказав, что бабушка просто занимается очередной подтяжкой того, что можно подтянуть и утяжкой того, что ее раздражало. Натали смеялась до слез. Хотя, на самом деле, в этом не было ничего

действительно смешного.

Даже в больничной палате бабушка выглядела отменно. Она брала с собой расчески, косметичку, кучу косметики и приезжала в больницу с огромным чемоданом. На нее заглядывались и пациенты и врачи, но бабушку это не волновало, потому что она уже давно привыкла к восхищенным взглядам. И тут Натали ей немного завидовала, потому что на саму Натали никто и никогда так не смотрел. Бабушка встретила их в больнице так, словно они пришли на бал. Широко расставила руки, произнесла нечто вроде

– Милые мои, как я счастлива, что вы пришли!

И расцеловала Натали и Викторию в обе щеки. Кстати, она никогда не целовала так, как целуют бабушки. Она прикладывалась губами к щеке и издавала звук «чмок». Виктория как-то сказала, что бабушка просто не смогла бы пережить, если бы ее помада стала не такой яркой, оставшись на чьей-то щеке. А Натали думала, что бабушке просто не нравится целовать чужих людей. И только потом она осознала, что с легкостью решила, что для бабушки они с мамой кто-то вроде чужаков и это ее не волновало.

Они с мамой тогда принесли для бабушки множество фруктов и вкусностей, но она в очередной раз была на диете и покрошила себе грушу в творог. Она без конца рассказывала, как ей скучно в палате и как хочется, скорее, к себе домой. Она рассказывала, что считает часы, но и Виктория и Натали понимали, что она строила глазки какому-то

седовласому врачу, который, конечно же, был совсем не против. И это все было лишь кокетством. Впрочем, вторым именем бабушки было – кокетство. Когда седовласый доктор зашел, чтобы проведать бабушку и поинтересовался ее самочувствием, она отбросила черные волосы от лица и произнесла

– Как может быть мое самочувствие? Я уже стара для того, чтобы оно было отличным, поэтому скажу – удовлетворительно.

Виктория удержалась от того, чтобы закатить глаза. У Натали не получилось. Особенно, когда седовласый наивный врач принялся убеждать бабушку, что она совсем не стара, и даст форму многим молодым, а она махнула на него рукой

– Ах, не убеждайте меня, вы просто нагло мне льстите!

И так продолжалось еще какое-то время. бабушка жаловалась на старость и на то, что ей ужасно скучно в этой больнице, а седовласый доктор всеми силами пытался ее убедить в том, что она еще очень молода и сетовал на то, что в больницах действительно так скучно и совсем нечем заняться. Бабушка сыпала названиями всех своих любимых ресторанов, выдавая это за то, что скучает по вкусной еде из того ресторана в центре города, где уютные диваны. Натали даже не пыталась спорить сама с собой, что этот врач точно пригласит бабушку в один из этих ресторанов. Когда этот театр абсурда, наконец, закончился и доктор ушел, бабушка перестала улыбаться, как будто бы сошла с обложки журнала

и стала собой. Немного равнодушной и надменной женщиной с правильными чертами лица, но отталкивающим высокомерным выражением. Натали до сих пор не понимает, зачем они вообще порой ее посещали, если после этих визитов оставались только отрицательные эмоции.

– Виктория, милая, тебе не пора что-нибудь сделать со своим лицом? Ботокс вколоть, к примеру. Ты знаешь, у меня потрясающий косметолог.

– Мама.

– Я просто дам тебе его телефон, а ты сама решишь, когда захочешь.

– Мама.

– Господи, милая, хватит упрямиться. Ты какой пример подаешь Натали? Она будет думать, что внешность не имеет никакого значения.

– Внешность не главное.

– Конечно, не главное. Но играет очень большую роль, такова правда жизни.

– Мне не нужен номер твоего косметолога.

– Очень жаль, милая. Помяни мое слово. Даже твой муж от тебя уйдет к молоденькой девице со свежим личиком. Я бы, конечно, на твоём месте за него не держалась. Но все же мой косметолог поможет сохранить счастливый брак.

– Мама...

Виктория беспомощно закатывает глаза, Натали хочется

сказать бабушке, чтобы она научилась молчать.

«Даже твой муж...»

Как будто бы отец Натали это какой-то самый последний человек на свете и даже он может сбежать от Виктории, которая не обколола себе все лицо ботоксом и не вставила золотые нити. Натали страшно хочется спросить, почему же тогда сбежал ее дедушка и бросил бабушку беременной, при всей ее безупречной красоте. Но Нат, насупившись, стоит возле окна. Бабушка использует дежурную улыбку номер пять. Ту, которую она использует, когда где-то в глубине души понимает, что переборщила. Она никогда бы не признала этого в открытую, но иногда забавно идет на попятную, что и означает, что где-то внутри что-то шелкнуло.

– Конечно, я шучу, милая. Ты же знаешь, что чувство юмора не самая сильная моя сторона.

Ага. Такая же не сильная, как чувство такта. Тогда Натали казалось, что бабушка несет чушь. Ее родители – такая любящая семья. Бабушка просто завидует, что у нее такого не было никогда. Откуда у бабушки может быть любовь? Когда она любит только себя. Значит невольно или даже осознанно и сознательно завидует.

Неужели тогда была права бабушка, а Натали ошибалась? Неужели отец и правда нашел себе девушку моложе и с более свежим лицом? Натали не верит, что ее отец способен на такое предательство. Мало того, чтобы предать маму, так еще и заставить Натали поверить в то, что бабушка порой

бывает права.

Натали даже не знает точно, что из этого звучит более чувственно. Впрочем, и то и другое смело можно считать предательством.

7.

– Натали, детка, подойди пожалуйста.

Виктория всегда была напыщенно вежлива, когда ей было что-то нужно. Если бы она просто позвала Натали, чтобы та попробовала не пересолила ли она суп, то она бы никогда не использовала «пожалуйста», скорее бы выбрала более действенное слово, а именно «быстро». И, наверное, никогда бы не обратилась вот так по имени. Натали лениво поднимается с кровати. Сегодня была очень сложная физкультура, обычно она старается щадить себя, но сегодня у нее болит каждый мускул. Хотя, это звучит очень смешно, потому что разве бывают мускулы у таких тощих девочек, какой была Натали. В общем, если бы у нее были мускулы, то они бы точно болели, но так можно сказать, что просто болит все ее тело. Ломит. Может она вообще заболевает?

– Мам, я хочу спать.

Такое ужасное вранье, но ей страшно, что мама начнет журить ее за плохие оценки по истории или еще какому дурацкому и никому не нужному предмету. Да не то, чтобы страшно, просто это не самые приятные ощущения, Натали сразу

чувствует себя виноватой и ей это не нравится. Лучше бы мама кричала и обзывала Натали последними словами, чем спокойно грустно пыталась объяснить, что та неправа. Если бы мама кричала, Натали могла бы обидеться на крик и считать себя невинной жертвой обстоятельств. Но Виктория вообще почти никогда не повышала голос и все время виноватой выходила Натали, потому что именно она вела себя неподобающим образом. Вот как маме удастся всегда выглядеть достойно, в то время как Натали просто постоянно ведет себя неправильно?

– Это не займет много времени, Натали, я жду тебя.

Нат оттягивает длинную майку, когда проходит на кухню и старается сделать свои глаза, как можно более сонными. Такое вообще возможно? Она даже попыталась зевнуть, но по недоверчивому прищурю Виктории, поняла, что ее хитрость не прошла.

– Что ты шуришься, детка? Яркий свет?

Видимо, невозможно. Натали казалось, что она сделала усталые глаза, а вышло как-то совсем глупо. Виктория выглядит немного усталой, и, видимо, в отличии от своей дочери не притворяется. Она пьет ароматный кофе и Натали поднимает одну бровь.

– Кофе на ночь? Я тебя не узнаю, ма.

Виктория обычно предпочитала чай и старалась не пить кофе на ночь, потому что потом не могла уснуть, а попытки Натали доказать, что, в общем, особой разницы между кофе

и чаем нет, успехом никогда не могли увенчаться. Виктория ничего не отвечает, и Натали начинает думать, что где-то она серьезно провинилась, раз мама столь строга. Виктория показывает жестом на стул, чтобы Натали села.

– Милая, ты, наверное, уже и сама заметила, что у нас с твоим отцом не все гладко.

Натали кивает. Вот сейчас начнется. Нам нужно разъехаться, нам нужно пожить отдельно, с кем ты останешься. Только она подумала, что все могло наладиться, как Виктория заводит этот разговор. И почему родители такие эгоисты? Вдруг у Натали завтра контрольный тест и теперь она от переживаний не выспится. Она тяжело вздыхает. Она не хочет этого слушать, но, по всей видимости, придется. Но не может же она вскочить и убежать. Хотя, кстати, было бы неплохим вариантом, Виктория бы от неожиданности точно не смогла ее догнать. Нат бы заперлась в своей комнате и сказала бы, что не желает ничего слушать.

– Ты не знаешь всех нюансов, и тебе не стоит их знать. Но я скажу тебе, что мы с твоим отцом оба наделали ошибок.

– Мам, зачем ты мне это говоришь? Это ваши решения и принимайте их сами, я уже не ребенок.

Еще бы не ребенок, только готова разрыдаться, как взрослый человек, который только что посмотрел «Хатико». Но взрослый же. Виктория отмалчивается. Смотрит в свою кружку, что она хочет там найти? Ответы на вопросы или свое прошлое? Может, она вовсе недовольна тем, что вы-

шла заму за отца. Как только случаются какие-то проблемы, то обычно сразу начинаешь думать, что все сделала не так. По крайней мере, у Натали происходило такое. Интересное, как это чувствовать, что твой брак рушится? Кто их там разберет.

– Мы хотели бы попробовать исправить наши ошибки. Ты знаешь, я не из тех, кто считает, что нужно цепляться за последние шансы. Но здесь... это будет последней возможностью все исправить и я, если честно, на нее рассчитываю.

У Натали, конечно, падает камень с души, но она не уверена сейчас уже, что это благо. Она не думает, что что-то действительно может поменяться. Если уж быть честной и с самой собой и с мамой. Но она не скажет этого маме. Если Виктория еще верит в какие-то шансы, то вдруг случится чудо? Натали в чудеса не верит. Но кто сказал, что это хорошо?

– Значит, все получится, мам. Я, правда, не понимаю, зачем ты мне это говоришь...

– Мы с отцом хотим дать шанс нашему браку. Собираемся уехать из города на некоторое время. отпуск. Не знаю, недели две, максимум месяц.

– Куда?

– Отец сказал, что это будет сюрприз. Он только недавно принял это решение и купил билеты.

– Это отлично, вам давно нужно было сменить обстановку.

Когда наступает такой момент в жизни ребенка или под-

ростка, когда с ним все же начинают говорить, как со взрослым. Натали не уверена, что очень ждала этого и никогда не просила, чтобы к ней относились как к взрослой. И сейчас не ощущает себя в своей тарелке. Может быть, ей бы хотелось, чтобы с ней разговаривали, как с ребенком и щадили ее чувства.

– В общем, милая, тебе какое-то время придется пожить с бабушкой.

Как гром среди ясного неб. Вот уж точно теперь она не думает, что попытка сохранить брак это хорошая новость.

– Нет-нет, мама, это исключено. С я ней двух часов провести не могу. Я спокойно поживу одна здесь. Всего лишь две недели. Ты сама сказала максимум месяц.

– Это исключено. Слишком долгий срок.

– Мама, вы не посмеете со мной так поступить.

– Бабушка уже пожилая, Натали. Это будет и для вас прекрасным шансом наладить отношения. Попробуй узнать ее получше.

– Я не хочу ее узнавать лучше! Она монстр. Я не буду с ней жить.

– Будешь. Разговор закрыт. Ты должна собрать вещи, через 5 дней ты едешь к бабушке.

– Не еду.

– Едешь.

Натали заканчивает этот разговор ругательствами. Она громко хлопает дверью в свою комнату и ложится, раздра-

женная, но полная решимости оспорить то, что ей предложила Виктория. Точнее не предложила, а поставила перед фактом. Разве это было честно? Она говорила с Нат, как со взрослой, но отправила ее к бабушке, как ребенка. Ничего не получится и она не будет жить с бабушкой.

Виктория всегда была очень мягким человеком и Натали без труда могла, обычно, склонить ее на свою сторону или доказать, что нужно сделать так, а не иначе. Виктория всегда говорила, что Натали может достать мертвого из могилы и заставить его танцевать макарену. И Натали этим не гордилась, но понимала, что ее мама была права. Она называла это целеустремленностью, а Давид смешливо говорил, что это упрямство характера. Что тоже, в принципе, было совсем неплохо, поэтому Нат пожимала плечами и принимала эту правду жизни. По крайней мере, когда Давид говорил, что ему по душе ее упрямство, она становилась еще более упрямой невольной.

Однажды Натали убедила Викторию купить ей ужасно дорогую майку, которая по мнению матушки выглядела, как обыкновенный мешок из под картошки. На майке была очень веселая надпись, и вообще это была фирменная вещь, которая прекрасно смотрелась с короткими джинсовыми шортами. Натали так и видела, как все бы открыли рты и в том числе, даже больше всех. – Давид. Не слишком приятно было осознавать, что она ориентируется на то, как он

отреагирует, когда выбирает себе одежду, но факт оставался фактом. Который ей пришлось принять и хотя бы не обращать на него внимание, если не хотелось подумать, что она такая вся из себя обыкновенная. Натали никогда не хотелось быть обыкновенной. Даже на уроках литературы, она старалась выступить против расхожего мнения. И, если всем нравилось произведение, то она поднимала руку и рассказывала, почему от него была не в восторге. Конечно, это всего лишь юношеский максимализм, но лучше не пытаться вступить с ней в дискуссии по этому поводу. Она не считает себя особенной. Но, наверное, это тоже такая попытка отличиться от других. Когда все кругом кричат о своей исключительности, Натали пожимает плечами и говорит, что она совершенно обычная. Тем самым она кажется совсем другой. Что можно от нее требовать? Она всего лишь подросток в эру социальных сетей, и когда девушки ее возраста выглядят так, что уже могут увести ее отца из семьи и она его даже поймет. Половина девочек ее школы уже выглядит старше ее матери, если их накрасить, а с Виктории, наоборот, смыть всю косметику. Натали никогда это не осуждала. Это было правдой жизни. Но ей отчаянно хотелось отличаться от других. Она не смогла выделяться своей красотой или умом, так пусть хотя бы майка будет со смешным принтом и она будет выглядеть вся такая из себя свободная и дерзкая.

Она успела пожаловаться Давиду, что учудили ее родители и как они пытаются спасти свой брак, но уничтожить ее

спокойную жизнь. Он робко спросил, почему она так сопротивляется и могла бы и пожить с бабушкой какое-то время, что совсем вывело ее из себя и она зашипела что-то пафосное вроде «через мой труп». Наверное, глупо было думать, что Виктория сдастся. Глупо и эгоистично, потому что родителям действительно нужно было решить свои проблемы. А Натали им их только добавляла своим упрямством. И какое-то время они не говорили о том, что ей нужно было переехать к бабушке. Ее подростковая наивность даже обрадовалась победе в этой короткой, но, безусловно, сложной войне. Виктория разговаривала с Натали подчеркнуто вежливо, но не в совсем мягком стиле. У нее всегда появлялся этот слегка надменный тон, когда она была чем-то задета или, когда ей казалось, что Натали была неправа. Ну и, когда не казалось, а Нат действительно была неправа – тоже. Это было похоже на бабушку Алису. И в добром расположении духа, когда между ними царил мир, Натали могла себе позволить сказать что-то, вроде

– Это надменный тон точно единственное, что ты переняла у бабушки.

– А что надо было перенять?

– Ну ее красивые волосы или то, как она умеет манипулировать всеми окружающими.

– Тобой она не очень может манипулировать.

– Я слишком умная. К тому же, я не мужчина, который влюблен в ее смоляные волосы. Хотя да. Надо было перенять

у нее только волосы и способность манипулировать к ним бышла бонусом.

Виктория никогда не обижалась и смеялась вместе с Натали. И Нат казалось, что и в этот раз получится точно так же. Они подуются друг на друга всего лишь пару дней, потом между ними тронется лед, они будут говорить более мягко и спокойно и решат, что все это было досадным и никому не нужным недоразумением. Как же она была в этом уверена!

До той самой поры, пока Виктория не заглянула в ее комнату. Натали, кстати, готовила уроки и совсем немного читала новости в социальных сетях и раздражалась от того, что нашла тех, кому Давид там поставил свои лайки. Виктория выглядела спокойной и умиротворенной, когда произнесла страшное

– Ты собрала вещи? Тебе завтра уже нужно будет переехать к бабушке.

От такой наглости Натали даже оторопела. Ей ведь казалось, что все налаживается, но, как оказалось, ее родители просто подлю затаились, чтобы потом вонзить ей нож в спину в лице бабушки Алисы. Натали открыла было рот, но Виктория мягко жестом ее остановила.

– Детка, я тебе все объяснила. Собери все, что тебе нужно. Завтра отец отвезет себя к бабушке.

– Мама, я же сказала, что...

– Прекрати эти капризы. Ты думаешь, у меня без них мало

проблем?

Голос Виктории прозвучал так устало, что Нат невольно прикусила язык. Неужели ничего нельзя изменить? Неужели уже завтра она будет вынуждена переехать в квартиру к бабушке со своими вещами? В холодное и огромное помещение, в котором даже просто находиться зябко? Ей придется купить себе шёлковый халат и тапочки на каблуках, там такой фейс контроль. Там в холодильнике одни обезжиренные йогурты, кефир и льняные семечки. Натали покончит с собой. Запьет таблетки кефиром.

– Хорошо, мама.

Произносит она убитым голосом. Если это поможет сохранить брак ее родителей, то она пойдет на это. Она же борец, в конце концов! Да и потом, с чего она взяла, что, если она славится своим упрямством, то Виктория не такая же?

8.

Когда Натали звонит в дверь бабушки, та открывает ей быстро. Нат изучает ее. Один глаз у бабушки накрашен, второй еще не тронут косметикой. Бабушка окидывает взглядом Натали и ее дорожку сумку, в которой уместились все ее вещи. Когда бабушка ездила отдыхать, она начинала собираться за две недели. У нее было два огромных чемодана и она искренне не понимала, как Виктория могла собраться за один день. У бабушки Алисы одних средств для ее рос-

кошных волос было на ту сумку, в которой вместились все вещи Натали.

– Натали, крошка. Проходи и располагайся в дальней комнате. У меня сейчас дела, но вечером мы с тобой обязательно можем провести время вместе.

Больше равнодушия бабушки, Натали не выносила, когда бабушка пыталась изобразить участливость и доброжелательность. Если равнодушие было ей очень к лицу, то дружелюбие как будто бы с чужого плеча.

Нат закатывает глаза и проходит в ту самую дальнюю комнату, которую бабушка выделила для нее. Наверное, когда-то это было бы комнатой для прислуги. Натали готова запеть песню золушки, если бы знала ее и к ней прибежали бы мышки. К слову, бабушка в этот момент докрашивает свой левый глаз и опрыскивает свою прическу таким количеством лака для волос, что Натали невольно начинает кашлять.

– Простудилась, Нати?

Елейным голоском спрашивает бабушка, но даже не дожидается ответа. Уже бурчит что-то себе под нос, относительно того, что погода не очень. Кажется, она даже напевает себе какую-то песню. Натали даже не нужно отвечать на ее вопрос, она просто проходит в комнату и ложится на кровать. Как будто бы у бабушки всегда была кровать для гостей и ее собственная внучка была для нее просто гостьей. Натали обещает себе выдержать это испытание.

– Нати, милая, я ушла.

Кричит бабушка и Натали слышит звук захлопнувшейся двери. Может быть, все и не так плохо? Бабушка почти никогда не бывает дома.

Будет ходить по свиданиям, по своим делам или что там у нее за неотложные вещи. Может быть, и вовсе не будет трогать Натали, потому что им все равно совсем не о чем говорить. Ну скажет пару раз, что Нат слишком худая, слишком страшная и вообще не понимает, как жить правильно. Что она этого не переживет? Даже засилье йогуртов в холодильнике она вполне может пережить, потому что в школьной столовой неплохо кормят. Она написала Давиду сообщение, на всякий случай

– Обещай, что после школы мы будем с тобой ходить обедать. Потому что иначе бабушка будет морить меня голодом. У нее в холодильнике только йогурты, причем обезжиренные. Есть еще вино, но разве им можно быть сытой? Бабушка пьет вино и закусывает обезжиренным йогуртом.

– Твоя бабушка уникальная женщина.

Он даже ставит смайлик, что страшно раздражает Натали. Давид почему-то всегда ей восхищается, даже, когда Нат вроде как рассказывает нелицеприятную правду о ней. Что в ее бабушке было такого, что все ей так сильно восхищались? Она ведь никогда не была хорошим человеком. Но стоило ей один раз зачем-то приехать в школу к Натали, как все ее знакомые и даже не очень знакомые мальчишки постоянно говорили о ней. О бабушке. Подумать только. Предме-

том вожделения молодых мальчишек стала женщина, которая родила мать Натали. Абсурд. Давид, видимо, не был исключением и это дико нервировано Нат. Кстати, в школу она тогда приехала не для того, чтобы проведать любимую внучку. Ей нужно было что-то передать для Виктории, а другого времени она, конечно, не нашла. И Нат сильно подозревала, что бабушка просто хотела покрасоваться в очередной раз.

– Уникальная не уникальная, а ты должен мне пообещать, что она не убьет меня голодом.

– Обещаю, что мы каждый день будем плотно обедать.

И на том спасибо. Со вздохом думает Натали. Это плюс такой дружбы, как у них с Давидом. Она может говорить о чем угодно и почти напрашиваться на свидание с ним, а он и не поймет. Впрочем, это можно назвать и минусом. Он не поймет, что она относится к нему совсем не так, как должно относиться к другу. Натали разваливается на кровати и смотрит в потолок. Она скачивает себе на телефон какую-то глупую игру и сосредоточенно в нее играет. Не отвечает на сообщения Давида, потому что ей показалось, что он с ней был слишком равнодушен. Это было вполне по-дружески, но она ведь ждала чего-то большего. И плевать, что он даже не догадывается о ее чувствах. Неужели мужчины все такие недогадливые? Заставить его поревновать что ли? Она пыталась уже, он даже бровью не повел, за что она ненавидела его целых три дня. Нет, это совсем плохой вариант. Нужно подумать о более действенных способах. Конечно, есть

вариант, просто и честно признаться ему в своих чувствах, но это ведь бред какой-то. Она даже прокручивает в своей голове эту ситуацию и так и видит, как он смотрит на нее совсем непонимающим взглядом и она вынуждена выдавить из себя смех, чтобы перевести все в шутку. И смех, кстати, должен получиться совсем не нервным. Неужели любовь и влюбленность это такие мучения? Ей так сложно, она буквально с ума сходит. Ну разве человек в нормальном состоянии будет искусственно не отвечать на сообщения только для того чтобы... да вообще для чего? Чтобы он разволновался и признался в том, что влюблен в нее? Она ведь не дура, у нее, между прочим, очень хорошо развито логическое мышление. Она знает, что этого не будет.

Натали со вздохом поднимается. Сначала она хотела объяснить голодовку и из принципа ничем не питаться в доме бабушки. Это решение она тоже не может объяснить, но ей казалось, что это будет так горделиво и эффектно. Потом ей показалось, что это будет просто, когда она увидела отсутствие нормальной еды в холодильнике у бабушки. Но пока она проходила уровни на глупой игрушке «три в ряд», она, конечно, проголодалась. Она долго терпела и пыталась убедить себя в том, что поспит, утром встает и поест с Давидом, но желудок настойчиво требовал хотя бы чего-нибудь съестного и Натали отправилась на охоту. Теперь она копается в холодильнике. Ничего не находит. Начинает рыться на полках шкафчика, думая, что, если у бабушки где-то окажутся

хлопья или шоколадные батончики спрятанные, то бабушка покажется ей не такой уж не от мира сего. Но, конечно, на это надеяться было глупо. Бабушка слишком идеальная, у нее под каждым шкафом стоит по бутылке дорого вина, но никаких, совсем никаких хлопьев. А есть хочется просто невероятно и поэтому Натали вынуждена переступить через себя и взять какой-то йогурт. У него нет совсем никакого вкуса и Нати почти тошнит. Она находит зерновой хлеб, ну кто-то разве сомневался, что у бабушки не зерновой хлеб? Бабушка обожает вещать о здоровом питании, а пару лет назад она и вовсе была вегетарианкой. Но не из тех вегетарианцев, которые ведут себя прилично и не выносят окружающим мозги по поводу и без повода. Не из тех, которые просто жуют себе спокойно в углу нашинкованную древесную кору. Бабушка же постоянно и всем сообщала о том, что она вегетарианка, а, как только кто-то произносил кодовое слово «ветчина», она начинала ужасно цыкать и закатывать глаза. Потом бабушка отказалась от этого бесполезного для нее движения. И причина была банальнее некуда. То есть бабушка, конечно, придумала душещипательную историю о том, как она заболела и врачи буквально силой впихивали в нее мясо. На деле же, наступили холода и бабушка достала из шкафов свои любимые норковые шубы. И она понимала, даже со своим очаровательно лицемерным образом жизни, что это будет слишком, если она продолжит цыкать на каждого нормального человека с курицей во рту. Когда на ее плечах лежит

несчастливая норка в пол, которая так и шепчет «лицемерка в возрасте». Впрочем, не суть. Ничего не помогло и у бабушки все равно в холодильнике сплошная трава. Натали щедро намазала зерновой хлеб безвкусным йогуртом и положила на него две половинки огурца, щедро посыпанные солью и перцем. Кстати, получилось даже вкусно и она сделала себе второй сэндвич от шеф повара. Ей захотелось поделиться фото шедевра с Давидом и она уже собралась было отправиться в свою комнату для гостей, как входная дверь скрипнула и в квартиру влетел вихрь ароматных духов бабушки. Когда бабушка быстрым шагом зашла на кухню, Натали запоздало подумала о том, что бутерброд нужно было спрятать. Голодовки и забастовки не получилось.

– Что это за отравка у тебя в руках, детка?

Бабушка неподражаема, она шагает к холодильнику, достает бутылку вина и наливает себе в бокал. Щедро наливает.

– Ты проголодалась, милая? Я могу сделать салат.

Это «я могу сделать салат» звучит как «умоляю, не трогай меня и иди в свою комнату». И Натали даже сначала хочется сказать бабушке, что она хочет салат и посмотреть как та будет выкручиваться из ситуации. Бабушка садится за столик и делает глоток вина. На столе лежит книга, за которую бабушка хватается как за спасательный круг. Натали почему-то с легкой горечью думает, что бабушка вроде бы обещала провести вечер с ней. А потом саму себя спрашивает, неужели она в это умудрилась поверить? Еще хуже то, что неужели ее

могло это расстроить?

– Интересная книга, бабушка?

– Алиса. Милая зови меня Алисой. Я просто не выношу слово «бабушка».

– Интересная книга, Алиса?

– Сносная. Ты уверена, что не хочешь салат?

Что на языке бабушки обозначало «что тогда ты тут так долго стоишь и досаждаешь мне разговорами?». Хоть бабушка и была безупречно вежливой и даже доброжелательной, Натали все равно немного разозлилась.

– Нет, мне завтра рано вставать в школу. Я, пожалуй, пойду спать.

– Хорошо, милая.

Бабушка даже не поднимает головы от книги и Натали направляется в свою комнату все еще с тем же недоеденным бутербродом, который бабушка ласковой назвала отравой. Правда, у нее почему-то пропал аппетит. Она кладет его около кровати на столик, принимает душ, укутывается в одеяло и ложится в постель. Выключает свет и теперь достает свой телефон и читает сообщения от Давида.

– Ну как проходит первый вечер с бабушкой?

– Видимо, не так плохо, раз ты даже не отвечаешь.

– Или наоборот, слишком плохо?

– Натали, я начинаю переживать.

– Эй!

– Ну ээээээй.

Она улыбается. Ей, как и любой девчонке школьнице, да еще и влюбленной, конечно, очень приятно, что он волновался и писал ей эти сообщения. Она даже не думает, что это всего лишь по-дружески. Сегодня она решает, что ей просто приятно. Быстро набирает ему сообщение.

– Первый день прошел отвратительно. Она морит меня не только голодом, но и игнором. Хотя, это, наверное, совсем неплохо. Но я здесь загнусь.

– Не вешай нос. На выходных мой отец уезжает за город и ты можешь остаться у меня на всю субботу и отдохнуть от бабушки. И она отдохнет от тебя;) посмотрим фильм, закажем пиццу.

– Не продолжай. Я согласна. Я должна глотнуть свежего воздуха перед тем, как вернуться в логово змеи.

9.

Натали думала, что с трудом дождется выходных и не ошиблась. Правда, она была уверена, что эти ощущения будут из-за бабушки, но бабушка ей не досаждала. Откровенно говоря, они даже не пересекались толком. Натали вставала утром в школу, бабушка еще спала, а, когда Нат легла спать, то бабушка или печатала что-то в своей комнате или сидела на кухне или разговаривала по телефону. Отношения у них так и не складывались, впрочем, было бы глупо надеяться на иной исход событий. Натали была благо-

дарна бабушке, что та не говорила о ее худобе и о том, что и ей тоже уже пора к косметологу. Натали была благодарна бабушке, если уж честно, за то, что та просто не обращала на нее внимания и вела себя с ней, как с пустым местом. Впрочем, это было лучше, чем, если бы бабушка вдруг предпринимала попытки с ней разговаривать или, не дай Бог, подружиться. Конечно, не слишком приятно было осознавать, что бабушка так же была не рада присутствию внучки в своей квартире, как и сама Натали, но ничего страшного. У них хотя бы в этом была полная взаимность. Но не могла дождаться выходных, потому что ее эмоции по отношению к Давиду с каждым днем становились все сильнее и сильнее. И ведь это был не первый раз, когда они с Давидом ночевали вместе. Она никогда не переживала. Даже Виктория не переживала, потому что Натали и Давид были такими хорошими друзьями, что вели себя друг с другом как бесполое существа. И только сейчас Натали осознала, как это было ужасно. Лучше бы хотя бы кто-то видел угрозу в их дружбе. А то получается, что в их будущее не верил даже мир, и как могла крошечная Натали бороться с этим недоверием?

А сейчас, от одной мысли, что он будет совсем рядом и они будут есть одну пиццу на двоих, у нее в коленках была дрожь. И, главное, даже поделиться своими переживаниями было не с кем. Старые подруги больше не с ней не общались, а вот новые из школы восхищались ее стойкостью по отношению к чарам самого популярного мальчика. Да и нельзя

назвать их прямо близкими подругами. Может быть, если бы они были более близки, возможно, с кем-то Нат и поделилась бы. Но они были приятельницами и хорошими знакомыми. С такими людьми не говоришь о том, что безнадежно влюблена в своего лучшего друга. Они все вздыхали ему вслед и глупо хихикали, когда он улыбался, а она звалась гордо его подругой. Как она могла сейчас взять и испортить свою репутацию, потому что хихикала глупее всех? Приходилось молчать и сжирать этими чувствами себя изнутри. Она могла бы поделиться этим всем с Викторией, но матушка слишком занята спасением своего собственного брака. Кстати, они созванивались и у Виктории был добрый голос. Еще одна надежда на удачный исход.

Натали уже три раза переоделась, посмотрела на часы. Она вообще редко опаздывает, но сегодня точно тот случай, когда она воспользуется этой возможностью. Она даже хотела надеть на себя какой-то сарафан, который ей покупала Виктория. Натали терпеть не может носить платье и предпочитает джинсы, да шорты. Сегодня случай особый и она подумала, что, может, для такого случая подойдет и платье. Она его померила, посмотрела на себя в зеркало. Несуразная, долговязая девица с острыми коленками, да еще и ноги в платье отчего-то смотрятся кривыми, хотя она вроде на это не жаловалась никогда. Только кривых ног ей не хватало, когда нужно выходить через тридцать минут и идти к Давиду в гости. Ноги кривые так просто не замазать, как, к примеру,

прыщ, вскочивший на лбу. К счастью, прыщ у нее не вскочил. Натали натягивает на себя рваные джинсы и белую майку без рукавов. Ей кажется, что она выглядит сносно. Вполне небрежно, в то же время, женские журналы говорят, что сексуально. Да и журналы постоянно твердят о том, что нужно быть самой себя и чувствовать себя комфортно, поэтому Натали считает, что так она себя чувствует собой. Непослушные рыжие волосы она то собирает в хвост или небрежный пучок, то распускает. Никак не может решить, что же смотрится более выигрышно. Выбирает пучок, так вроде бы модно. Из зеркала на нее смотрит несчастная рыжая девчонка с грустными карими глазами. Приходится воспользоваться тушью. Хотя, она старается не использовать макияж, ей все время лень краситься. А она боится, что накрадется один раз, станет настолько красивой, что придется каждое утро вставать на тридцать минут раньше, чтобы нарисовать себе лицо. Лучше уж не быть красоткой, но спать, уткнувшись носом в подушку. А то бабушка однажды, когда была в хорошем расположении духа, рассказывала, что, когда делают ринопластику, очень долго нельзя спать, уткнувшись носом в подушку. Натали сейчас думает, что бабушка, скорее всего, намекала на то, что однажды Натали неплохо было бы сменить нос, и заботливо готовила ее к подводным камням. Но Нат лучше останется со своим вздернутым, но по мнению бабушки, слишком большим носом. Вообще, главное быть в гармонии с самой собой. И Натали все нравится.

Она выходит из дома и в коридоре сталкивается с бабушкой, которая окидывает ее взглядом.

Сейчас начнется.

– Ты куда, милая?

– Я же тебе говорила, что сегодня переночую у друга.

– Ах у друга. Иди конечно.

Как будто бы Натали у нее спрашивала разрешения. Впрочем, Натали не хочет огрызаться и поэтому старается улыбнуться максимально дружелюбно, прежде чем начать шнуровать свои кеды.

– Мне нравится, когда ты распускаешь волосы, дорогая. У тебя прекрасные волосы. Если им еще придать немного форму, то будет роскошно. Но и так. Не прячь их, это твое достоинство.

Бабушка просто не могла промолчать. Натали промычала в ответ что-то невразумительное и буквально выбежала из квартиры. На одной территории с бабушкой даже дышать становится трудно. Нат честно побоялась, что бабушка сейчас начнет пихать ей номер телефона ее парикмахера, который сделает из Натали не домового, а голливудскую звезду. Она закуривает, когда заходит за угол. Пусть от нее пахнет сигаретами, когда она придет к Давиду. До него идти минут семь.

Подходя к его дому, Натали распускает волосы.

На Давиде смешные шорты, кажется, что они велики ему,

как минимум, на два размера. Он высокий и тощий, наверное, на этом они с Натали сошлись. Она тоже высокая и тощая. У него острые коленки и несуразно большая нога. Только ему это идет и по мнению Нат он выглядит прекрасно, а вот с ней дело обстоит чуть хуже. У него на майке нарисован Мик Джаггер, и пятно от кетчупа прямо в районе брови несчастного Мика. Давид замечает взгляд Нат, брошенный на это пятно и виновато говорит

– Пока я тебя ждал – проголодался и сделал себе бутерброд.

– С кетчупом?

– Какая ветчина без кетчупа?

– А как же пицца?

– Ты думаешь, я наелся всего лишь одним бутербродом?

Натали разувается и по-хозяйски проходит на кухню. Она так часто гостила у Давида, что уже относится к его квартире так спокойно, как к своей. По крайней мере, она ловит себя на мысли, что в квартире Давида ей куда уютнее, чем в квартире собственной бабушки. Она знает, где и что лежит и легко может пройти к холодильнику, чтобы достать пакет молока. Она даже могла выпить весь этот пакет и ничего страшного бы не случилось. И сейчас она берет из холодильника банку колы без сахара. Это, конечно, не пакет молока, но сегодня она ощущает себя немного иначе. У бабушки вообще не найти колы. Натали плюхается на диван. Диван мягкий и на нем много подушек. Она перекачивается на живот и об-

нимает руками подушку. У своей собственной бабушки дома она не ощущала себя на своем месте. У Давида ей казалось, что она у себя дома. И дело тут вовсе не в чувствах, которые ее сводят с ума. Она смотрит как он шлепает босиком по комнате с двумя бутербродами в руках и ее сердце заполняет нежность.

В ее жизни был период, когда она просто гордилась тем, что он был ее другом. Она жалеет о том, что этот период прошел. Раньше она не вздыхала от того, как красиво топорщатся его волосы и ей не нравились парни в очках. Теперь же, даже, когда она смотрит подростковые сериалы, ей нравятся там исключительно те, кто чем-то хотя бы отдаленно напоминает Давида. Эти подростковые чувства ее просто сводят с ума и одолевают. Ей ведь хватает мозга понять, что чувства подростковые. У нее даже аппетит пропадает и она отказывается от бутерброда. Ей бы очень вернуть те простые дни, когда ей просто нравилось, что у нее такой друг, по которому вздыхает вся школа. Ей сложно справиться с тем, что происходит с ней сейчас. Она бы выбрала дружбу. Ей хочется посмотреть фильм ужасов, а он морщится, потому что никогда их не любил. Она тоже, нельзя сказать, что большая фанатка кровавых фильмов, но ей так хочется, чтобы он считал ее крутой. Она почему-то уверена, что, если будет говорить, что любит ужастики, то это покажет ее как бесстрашную девочку со смелым сердцем. Глупость? Да ничего подобного. Давид боится фильмов ужасов и никогда их не смотрит. До-

ма в одиночестве она тоже закрывает глаза на страшных моментах. Но здесь будет держаться и стараться смотреть равнодушно. Мама бы сказала, что отношения, когда ты из себя что-то изображаешь, заранее обречены на провал. Натали бы нашла кучу доводов, почему это не так. Во-первых, и к сожалению, у них сейчас нет никаких отношений. А, может, и не будет никогда. Она не хочет об этом думать, ей, как и любой влюбленной девчонке, кажется, что это первая и последняя любовь и обязательно навсегда. Во-вторых, даже если у них никогда не будет отношений, ей хочется, чтобы он навсегда запомнил ее, пусть как свою лучшую подругу, но точно очень отважную. Даже немного безумно отважную, вроде как это тоже звучит неплохо.

Натали любит Давида, даже тем, как неаккуратно он поглощает свой бутерброд. Она перечисляет ему фильмы ужасов, которые хотела бы посмотреть, он морщится и она смеется, громко и искренне.

– Как там у тебя с бабушкой?

Спрашивает Давид и Натали вздыхает. И почему всем так интересна эта холодная и совсем не милая женщина? Почему все так и норовят задавать о ней глупые вопросы и почему Натали должна терпеть, что ее бабушка популярнее, чем она? Натали считает, что, если уж на то пошло и у нее не получается быть популярнее своих родственников, то пусть хотя бы это будет ее мама. Виктория, по мнению Натали, заслуживала куда большего восхищения. Но, видимо, волосы

ее были не настолько черными, чтобы по ней вздыхал Давид. Натали берет себя в руки, понимая, что ведет себя глупо и ревниво. Может быть, Давид просто интересуется из вежливости и потому что они друзья. Она же не злится, когда с этим же вопросом ее донимают приятельницы из школы.

– Когда мы с бабушкой друг друга игнорируем, то у нас все хорошо. Мы, кстати, не так часто пересекаемся. И я не думала, что в таком почтенном возрасте у человека может быть столько дел, что она почти не бывает дома. Мне кажется, что я живу скучнее.

– Твоя бабушка уникальная женщина.

– Ты долго будешь мне говорить одну и ту же фразу? Ну выучи ты что-нибудь новенькое.

– Злюка.

– Нет. Просто опять тебе говорю, что ты не знаешь мою бабушку. Она меня донимает. Перед выходом к тебе она снова прошла по моей прическе и сказала, что мне лучше с распущенными волосами. Она думает, что ее советы всем нужны.

Натали фыркает и слова срываются с ее губ, прежде чем она успевает подумать. Не должны были смутить ее слова бабушки. Она все время гордилась тем, что не была зависима от ее авторитарного мнения. Бабушка говорила, что у нее есть лишний вес, Нат верила, что ей нужно потолстеть. И так мудро она всегда пыталась разговаривать и с Викторией, которая хоть и скрывала, но порой ее задевали слова бабуш-

ки и она, о ужас, даже задумалась о том, чтобы поправить себе веки, к примеру, по ее совету. Натали всегда говорила, что прислушиваться к бабушке – себе дороже. У бабушки один совет. Все в себе изменить, исправить, покрасить волосы, надеть короткую юбку, неудобные туфли и изображать из себя жеманную идиотку. Натали никогда не прислушивалась к бабушке. Если та говорила, что зеленый цвет делает кожу Натали еще более веснушчатой, то Натали ходила только в зеленом к ней в гости и улыбалась как маленькая змейка. Она никогда не была стервозной или же какой-то слишком дерзкой. Но с бабушкой хотелось быть такой. Хотелось поставить мисс безупречность на место, потому что от нее уставали все. И Натали в первую очередь. Хоть это и звучало эгоистично. Но сейчас с ее губ невольно срывается это обиженное замечание и она осекается. А Давид смотрит на нее пристально. Он так редко на нее смотрит. И говорит, со своей фирменной полуулыбкой, которая сводила ее с ума.

– Мне тоже нравится, когда твои волосы распущены.

Она накручивает огненный локон на палец. Когда Давид сказал, что ему нравятся ее распущенные волосы, то за ее спиной как будто бы крылья выросли. Она не думает, что он в нее влюблен, но вдруг у него к ней тоже что-то есть? Она даже стала как-то увереннее и, кажется, почти стала вести себя как жеманная идиотка, чего очень сторонилась. Она стала смеяться немного громче и постоянно поправлять свои

волосы, к которым была равнодушна, но сейчас была благодарна за этот его взгляд, который ее так окрылил. Они постоянно вместе, они проводят очень много времени в обществе друг друга. Разве это не нормально, что люди начинают что-то чувствовать, если между ними ничего до этого не было. Натали верит в дружбу между мужчиной и женщиной и всегда верила до того, как ее собственные чувства не повергли эту теорию в сомнения. Она сама себе противоречит. Иногда ей даже не нравится то, что она старается быть такой «крутой» и не может ни с кем поделиться, как вздыхает, когда он поправляет свои непослушные волосы, протирает очки и близоруко щурится.

Давид идет заказывать пиццу и Натали быстро находит какой-то ужастик, чтобы потом с невинным видом встретить вернувшегося друга.

– Выбрала фильм?

– Да. Тебе понравится. Заказал пиццу?

– Твою любимую. С ананасами.

Она умиляется от того, как легко его обвести вокруг пальца. Она была слишком милая и вид ее был слишком невинным, она как будто бы хотела, чтобы он прищурился и выразил сомнение, что ему понравится выбранный фильм. Но он так наивно верит, что она действительно выбрала что-то для них двоих, что она почти готова запищать от того, какой он очаровательный. И, кстати, он совершенно не выносит ананасы на пицце, но она все время капризничает и он вынуж-

ден просто их снимать с теста и откладывать в сторону. Если бы у него к ней совсем ничего не было, разве он бы себя так вел? Нет, Натали не думает, что он страстно влюблен и скрывает свои чувства, потому что боится отказа. Она не считает себя роковой женщиной, которой боятся в любви признаться. Она же не бабушка Алиса, в конце концов, за которой постоянно, до сих пор увивались многочисленные ухажеры. Натали бы с радостью получила в наследство эту популярность своей бабушки, но, к сожалению, природа распорядилась иначе. И Натали могла по пальцам пересчитать тех, кто вроде как был в нее влюблен. В предыдущей школе за ней «ухаживал» ботаник из математического класса. Он пытался сделать за нее домашнее задание, хотя она и сама отлично разбиралась в математике. Но, видимо, иного способа ухаживать он не видел и поэтому упрямо тянул руку, чтобы ей помочь, даже когда она стояла у доски. Ей пришлось твердо ему сказать, чтобы больше он ей не досаждал и пару дней он смотрел на нее несчастным взглядом. Она даже было подумала, что, может, стоит дать ему шанс. До того она была сердобольная. Да и, как она понимала, популярностью и не пахло, а так ухаживал хоть кто-то. Она была полна решимости дать ему сделать за нее домашнее задание, когда он перестал на нее смотреть и теперь таким же щенячьим взглядом провожал ее одноклассницу. Даже ее друг из прошлой школы, странный мальчик, которого постоянно приходилось защищать, вздыхал по одной из ее прошлых подруг. Хотя Натали

была более бойкой и защищала его рьяно и чаще остальных. Но не была ему мила. Видимо, на этом и закончились все ее ухажеры. Ах нет. Однажды на улице ее окликнул какой-то парень с подбитым глазом. Он спросил что-то вроде

– Эй, рыжая, а ты любишь целоваться?

Натали за словом в карман не лезет и послала его к чертям. Но щеки ее предательски залил румянец, что «подбитый» заметил. И непосредственно спросил

– А что покраснела, как рак?

Этого она вынести уже не могла и гордо зашагала дальше, чувствуя, как пылают ее щеки. В общем, если быть совсем честной, то ее ухажеры на этом и закончились. Поэтому считать, что Давид боится признаться в своих чувствах из-за страха быть отвергнутым, у нее просто совести бы не хватило. Она милая. Она хорошая. Она забавная. Она необычная, прямолинейная и даже немного дерзкая. Но вряд ли кто-то потерял бы голову из-за ее непослушных рыжих волос, россыпи веснушек, да острых коленок. Может, Давид еще сам не понимает, что ему нравится Натали. Разве ему с ней плохо?

Пиццу приносят очень быстро и Натали радостно хватается за первый кусок, но тут же протяжно произносит

– Чееерт. Я же вегетарианка.

Давид поднимает бровь и улыбается так очаровательно и недоверчиво, что ей даже становится стыдно от того, насколько по-детски сейчас звучат ее слова. Она раздумывает

и он приходит ей на помощь

– Я никому не скажу. Мы будем поддерживать твой образ из всех сил.

Как же хорошо он ее знает и как ей с ним просто. Натали с радостью откусывает большой кусок от ароматной пиццы и включает фильм. Давид сосредоточенно смотрит на экран, а она украдкой изучает его. Когда появляется маньяк с бензопилой, Давид набрасывается на Нат, которая предусмотрительно спрятала пульт за спину. Какое-то время они забавно и легко борются, Натали пытается спрятать пульт, Давид, в свою очередь, пытается его вырвать. Натали проигрывает и он нависает над ней с пультом в руках и триумфом во взгляде зеленых глаз. Натали невольно задерживает дыхание. Он тоже кажется немного растерянным, а ей думается, что сейчас наступил прекрасный момент, чтобы признаться ему в своих чувствах. И стоит ей открыть рот, как он произносит

– Мне хочется тебе кое-что сказать...

Натали хочет убить его.

– Мне очень нравится Кати. Она твоя подруга?

Ей кажется, что мир ее рухнул после этих его слов. Они учились в одном классе. Кати была ее хорошей приятельницей. Она действительно очень красивая девушка и, что самое противное, она была милой, доброй, с открытым сердцем и все такое, что заставляло Натали хотеть выть. У Ка-

ти были белоснежные локоны, огромные голубые глаза, распахнутые в наивном образе. У нее уже начала расти грудь, которая обещала быть вполне себе недурственной. У Натали такой роскоши не было. Ей очень нравилась Кати. У нее был мягкий голос, она всегда была очень милой, помогала всем, даже Натали, не смотря на то, что Кати была одной из самых красивых девочек школы, она никогда не задирала нос. Она носила летящие сарафаны и выглядела так, словно только что вылезла из кадра какого-то голливудского фильма. Но Натали казалось это милым. Потому что сама Кати была милой. С самого первого дня Натали могла считать Кати своей приятельницей. Кати отнеслась к Нат очень трепетно, но это не слишком волновало ее. Натали привыкла думать, что сама выбирает себе приятелей. Но она могла бы подумать, что Кати станет ее подругой. До того момента, когда Давид произнес прямо ей в губы, что Кати ему нравится. Натали невольно ее возненавидела и, если уж честно, то ей захотелось плакать.

– Мы с ней хорошо общаемся.

Только и может выдавить из себя Нат. Она тут же отпикивает от себя Давида, правда это выглядит так, словно ей хочется услышать подробности его влюбленности. А на деле хочется выть от того, что ему понравилась красотка Кати, а не несурзная Натали со своими острыми коленками и рыжими волосами. В этот момент Натали окутала такая неуверенность в себе, что хоть волком вой. И как она только могла

буквально пять минут назад решить, что могла бы ему приглянуться.

– Может быть, поговоришь с ней обо мне?

Он продолжает убивать ее своими фразами, но разве может Натали показать ему, как ей больно и как ей грустно? Она ведь сильная девочка, которая совсем в него не влюблена. Теперь уж точно. Она готова сказать ему, что у Кати есть возлюбленный, чтобы он навсегда о ней забыл. Это было бы логично и ей бы точно было спокойнее. Чувствовала бы она себя неловко за эти слова? Чувствовала. Но она бы отвела его от Кати и Натали могла бы расслабиться. Но разве это нормально, когда Натали просто ему не нравится? Ему нравятся красотки с белокурыми глазами и мягким голосом и все, что придумала Натали, было просто наивной глупостью. Нат берет кусок пиццы. Когда ты жуешь, тебе не нужно отвечать. У любого человека есть право на то, чтобы спокойно прожевать кусок своей пищи. И Натали сейчас пользуется этим правом. Давид терпеливо ждет. Натали ведь крутая и, к тому же, она – его хорошая подруга. У нее на самом деле совсем нет никакого выбора. Она все же отбирает у него пульт от телевизора.

– Что мне сказать?

Ей кажется, что ее голос звучит немного чужим. Хотя, он не замечает, потому что у него даже не меняется выражение лица, что заставляет ее подумать о том, что ей можно было бы поступить на актерский факультет, до того она умеет

маскировать свои эмоции.

– Спроси, что она думает обо мне. Может, она согласилась бы сходить со мной куда-нибудь?

Натали представляет Давида с Кати в каком-нибудь кафе и ей становится грустно. Вот так просто, не больно, не горько. Спокойно и грустно. Они поженятся и у них будут дети. Натали даже не будет приглашена на их свадьбу. Или, что еще хуже, – будет.

– Не очень вкусная пицца, правда?

Отчаянно спрашивает она Давида и он пробует кусок. С задумчивым выражением лица ее разжевывает. Прислушивается к своим вкусовым рецепторам.

– Да вроде бы обычная. Не самая лучшая, но вполне. Ладно, давай посмотреть твой ужастик.

Почему-то от этой его фразы становится еще более пусто. Натали наживает на кнопку на пульте. Хорошо, что в ужастиках нет никакого сюжета, она бы точно совсем не могла в него вникнуть. Они даже смотрят начало. Давил напряжен и молчит. Натали понимает, что он считает, что Кати просто он не нравится и Нат не знает, как сказать об этом. И это тоже могло бы быть нормальным стечением обстоятельств.

– Почему самых красивых девочек всегда убивают первыми?

– Красивые редко бывают умными?

– Кати ведь умная и красивая.

– Натали, ты какая-то странная. Кати и красивая и умная.

Но и ты красивая и умная.

Натали криво усмехается. Она выдала себя с головой, но Давид не понял. Она даже не слышит его комплимента, от которого бы растаяла пару минут назад. Сейчас она даже не воспринимает его всерьез. Потому что он говорит все это лишь для того, чтобы смягчить свою симпатию к Кати. Кати прекрасная девочка. Она нравится буквально всем. Белокуро-рая принцесса с ласковым характером. За нее даже делают домашнее задание. А еще Натали помнит, как Кати стояла у доски и учитель вышел в коридор и весь класс наперебой кричал ей правильные ответы. Натали никогда и никто так не поддерживал, но ей это было не важно, до того момента, как Давид не сообщил, что ему нравится Кати. Сейчас ей стало казаться, что она нравится буквально всем. Она нравится всем, а Натали для всех всего лишь друг. И все просто хотят подобраться к красотке Кати. И ей было бы все равно на каждого из ее знакомых. Если так считает Давид, то ей обидно и она как-то ощущает себя пустой. Впрочем... они же друзья. Что она хотела от него. все просто и она опоздала. Почему она сейчас ноет.

Она с пустым сердцем и мозгом пытается досмотреть ужа-стик, стараясь сделать вид, что ей очень интересно. И под конец она вынуждена повернуть к нему голову. Улыбнуться, но уже мягко и сказать

– Я поговорю с Кати.

А он радостно приобнимет Натали и произнесет

– Ты настоящий друг.

Черт бы его побрал с этой никому ненужной дружбой. Лучше бы она осталась на выходных с бабушкой.

10.

Натали нельзя назвать большой фанаткой учения. Она относится к школе, если можно так выразиться, спокойно. Она знает, что есть те, кто ненавидит школьную жизнь и при каждом удобном случае стараются сделать так, чтобы остаться дома. Но здесь, конечно, дело не в том, что учебе не свет. А в том, что этим людям сложно наладить отношения со сверстниками. У Натали с этим проблем никогда не было. Она бойкая и ее сложно смутить. Если нужно, она и в драку может полезть. В общем-то, даже при желании, Натали лучше не обижать. Нет, такие вещи ее никогда не смущали. Школа для нее – нечто вроде места для тусовки и общения. Она даже любит вставать по утрам понедельника, потому что знает, что впереди ее ждет встреча с приятелями и приятельницами, они будут делиться, как провели выходные и вообще мысли их будут далеки от домашнего задания по истории. Если на выходных она не видела Давида, к примеру, он проводил время со своей матерью, то она особенно спешила в понедельник в школу. Если честно, она даже не задумывалась о том, как сильно зависела от него, пока он не сказал, что ему нравится Кати. То есть, она, конеч-

но, понимала, что у нее были к нему чувства и самой себе она уже давно и честно призналась в том, что он ей безумно нравится и она в него, наверное даже, влюблена. Но никогда она не думала, что даже ее настроение так сильно зависит от него. Стоило ему сказать о том, что ему нравится Кати, как она не могла дождаться, чтобы, поскорее, покинуть его квартиру, в которой обычно ей было очень уютно. Теперь почему-то она больше не ощущала себя как дома. И, если бы у нее были подруги, с которыми она могла бы поделиться переживаниями, то она точно не сдерживалась бы и ерничала, что теперь эта квартира принадлежит милашке Кати. Натали попыталась позвонить маме, Виктория была рада ее слышать, но, кажется, куда-то торопилась. Она даже не поняла по голосу Натали, что у нее что-то случилось. Это было так не похоже на Викторию и Натали в очередной раз эгоистично подумала, что это не она эгоистка, а ее матушка. Где же она? Когда Нат так нужен совет и ее мягкие руки и вкусный ужин. Может быть, ей стало бы легче. Может быть, Виктория бы подобрала такие слова, что Натали бы больше не думала о Давиде и Кати не представляла бы их детей. Которые получились бы такими красивыми. Если уж честно, то гораздо красивее, чем дети Натали и Давида.

Натали ковыряет ложкой йогурт. Перед ней на стол буквально падает какой-то предмет и она поднимает глаза на бабушку, которая этот предмет и швырнула, словно собаке кость.

– Это лучший консилер, милая.

– Что такое консилер?

Бабушка не сдерживается и закатывает глаза, правда быстро берет себя в руки. Что за мастерская способность заставлять окружающих чувствовать себя неловко и по-идиотски. Натали не хочется с ней препираться, поэтому она даже изображает на своем лице заинтересованность. Судя по недоверчивому взгляду бабушки, выражение не очень-то удается.

– Корректор.

– Зачем он мне?

– У тебя такие синяки под глазами, как будто бы ты не спала всю ночь. Разве можно идти в школу в таком виде?

– Почему нет? Может, не будут вызывать к доске и посмотрят таким же полным жалости и брезгливости взглядом, как ты сейчас.

– Не говори глупости. Я всегда пользуюсь этим консилером.

– Так ты у нас королева красоты, а я неудавшийся воровбушек.

Кажется, слова Натали попадают в цель, потому что бабушка морщится. Ее красивое лицо искажает гримаса, которую Натали не может идентифицировать.

– Прекрати выпускать иголки, милая, я всего лишь хочу тебе помочь.

– Мне нравятся мои синяки под глазами, Алиса. Я хочу

идти с ними. И забери эту дурацкую палку с жутким названием, я все равно не знаю, как ей пользоваться.

Голос Натали дрожит, что выдает ее нервозность с головой. Виктория бы сейчас прижала ее к себе. Может быть, даже пообещала бы испечь пирог на вечер. Бабушка, конечно, никогда не подарит Натали этого тепла, которое сейчас ей так необходимо. Нат готова разрыдаться, но это будет провалом. Если бабушка увидит ее слезы. Она смотрит пронизательно своими карими глазами, как будто бы заглядывает прямо в душу Натали. Даже, если бы заглянула и увидела бы все ее переживания, конечно, они бы не тронули бабушку. Бабушка никогда и никого не любила. Ее любили все. Нат знает, что из-за нее чуть ли ни вены резали ее многочисленные ухажеры, а вот бабушка всегда оставалась равнодушной. Хотелось бы и Натали быть такой. Роскошной, равнодушной и разбивающей сердца. Она и не роскошная и не равнодушная и сердца разбивают только ей. По крайней мере сейчас ей кажется, что сердце ее разбито вдребезги и никогда его больше не собрать.

Нат собирает всю свою волю в кулак, чтобы не расплакаться и не показать, что она переживает. Теперь она уже пытается напевать себе что-то под нос нарочито бодрым голосом, доедая свой йогурт. Который и так-то не был слишком вкусным, а сейчас и вовсе напоминает бумагу. Хотя бумага вкуснее. Если на ней написано имя Давида. Господи, ее бы и саму стошнило от этих сопливых мыслей, если бы печаль не раз-

рывала ее несчастную душу неудавшегося воробушка. Да ей понравилось это выражение. Она бы себе даже такую татуировку сделала, если бы Виктория не отрезала ей руку за это.

Бабушка садится напротив нее.

– Я никогда не выхожу из дома, если мой внешний вид может выдать меня с потрохами. Если мне больно, то никто не должен об этом знать. Потому что никому до этого нет дела, милая. Твои переживания никого не касаются и ничью душу они не заденут. Поэтому нельзя выходить на улицу и демонстрировать свою боль.

Они никогда не говорили откровенно. Бабушка никогда не произносила ничего человеческого, хотя эти фразы сложно назвать прямо человеческими, но все же. хотя бы достаточно мягким тоном. Надменным и высокомерным, поучительным и покровительствующим. Но мягким. Натали вопросительно смотрит на бабушку, которая выглядит очень серьезной.

– У меня нет никакой боли.

– Я знаю, милая. Но, если бы была, то не показывай ее. Тем более виновникам. И мне всегда помогает консилер. Я оставлю его здесь. Вдруг ты захочешь научиться им пользоваться.

И бабушка уходит в свою комнату, оставив Натали в своих размышлениях. Натали никогда не видела, чтобы бабушка переживала. Она не имеет в виду театральные заламывания рук, по той причине, что у нее появились морщины. А вообще, Натали иногда всерьез думала, что бабушка была прак-

тически роботом. И, как выясняется теперь, то все дело было в каком-то карандаше под цвет тонального крема. Нат ухмыляется сама с собой. Задумчиво рассматривает свои ногти. Она думает минут пять, прежде чем взять консилер и замазать синяки под глазами перед зеркалом. Синяки действительно есть и выдают то, что всю ночь она ворочалась. Ей дико хотелось спать, но всякий раз, как она прикрывала глаза, то в голову ей лезли мысли о том, как Давид поцелует Кати. Шум в голове невозможно было заглушить. Натали ловко орудует этим чудо карандашом, хоть и пользовалась им впервые. А потом кладет его на место таким образом, как будто бы и не касалась.

На Кати воздушное платье синего цвета и ее глаза кажутся еще ярче. Натали плетется с ней рядом в узких джинсах, белой майке и грязных кедах. Волосы Кати такие мягкие и развеваются от ветра, как у модели викториас сикрет. Волосы Нат стоят дыбом, она пыталась убрать их в пучок, но возле лба они все равно предательски завиваются. У Кати, кстати, и походка как у супермодели, а Натали радуется, если не упала по дороге в школу, потому что всегда отличалась неуклюжестью. У Кати красивая сумка и мягкий голос. У Натали рюкзак. Он, конечно, модный. Она ужасно его хотела и вынесла все мозги Виктории, чтобы та поняла, как это модно. Натали всегда любила этот рюкзак, а сейчас видит, что Давиду нравится не модная, смелая и такая простая Натали.

А принцесса Кати со своей красивой сумкой и привычкой поправлять волосы, как принцесса из мультика. Того и глядишь запоет песню спящей красавицы и из леса сбегутся звери. Если запоет Натали, то звери в лесу передохнут.

– Нати, ты меня слушаешь? Ты сегодня какая-то отрешенная.

Она еще и милая всегда такая. Чертовка. Но Натали почему-то в данный момент прислушивается к совету бабушки. Никому нет дела до ее переживаний, тем более, она все равно не собиралась раскрываться. Конечно, не Кати. Натали быстро моргает и улыбается своей обычной лучезарной улыбкой.

– Не выспалась. Я же живу с бабушкой, она такая заноза, это невозможно. Всю ночь болтала по телефону и не давала мне спать. С кем вообще может болтать пожилой человек по ночам.

Натали закатывает глаза и Кати смеется. Нат немного стыдно, что она сейчас вот так все свалила на бабушку. То есть бабушка, конечно, разговаривает по ночам и ее это действительно удивляет. Но, стоит отдать бабушке должное, она старается говорить очень тихо, чтобы не разбудить Нат. Но разве может она сейчас раскрыть истинную причину своих переживаний. Бабушка переживает то, что Натали свалила свои проблемы на нее. Бабушка и не узнает, к тому же, она и правда заноза и Натали ждет не дождется, как бы скорее вернуться домой и поесть вкусный ужин, приготовлен-

ный золотыми руками Виктории.

Кати сидит на подоконнике и болтает ногами. Натали сидит на полу и списывает у нее домашнее задание по литературе. Сначала она хотела получить свою заслуженную двойку, но ни в коем случае не просить Кати о помощи. Потом решила, что для полного счастья ей не хватает только испорченного настроения из-за плохой оценки. К тому же, разве Кати виновата в том, что такая красавица невероятная и что Давиду она нравится. Во всем виноват Давид, с которым Натали даже разговаривать не хочет. Ей бы хотелось вот так просто начать его ненавидеть и успокоиться. Как же она так влюбилась? Как полная дура. Кстати, она сегодня его не видела. А, может быть, сознательно избегала. Он больше не заводил разговоры о Кати, и ей было стыдно, что она старается оттянуть неприятный для нее разговор. Натали не хочет быть хорошим другом и совсем не желает ему счастья. Нат поднимает глаза на Кати.

– Мне тут птичка на хвосте принесла, что ты кое-кому нравишься.

Глаза Кати загораются любопытством и интересом. Странно, Натали казалось, что для Кати слышать такие вещи – привычно. «принцесса» даже не пытается изобразить равнодушие и начинает тормозить Натали. Пока не поздно, можно выдумать, что она нравится кому угодно, точно попадешь в цель. Но Натали, конечно, ревнивая. Она бывает вредной и капризной и истеричной. Она бывает грубой, она

бывает несносной и отвратительной. Но она не подлая. И она хороший друг. К сожалению.

– Давиду. Ты нравишься Давиду.

Вот и все. Слова произнесены и вроде как вышло совсем не плохо, даже достаточно равнодушно. Как будто бы она действительно пытается сосватать своего лучшего друга. Внутри она молится о том, чтобы Кати сейчас посмотрела на нее с разочарованием и доверительно, но извиняющимся тоном сказала, что Давид ей совсем неинтересен. Кстати, Натали обещает сама себе, что, если Кати поведет себя таким образом, то это будет знак и Нат признается ему в своих чувствах. Натали не понимает, как Давид может быть кому-то не интересен, но так сильно на это надеется.

– Давид? Ты что серьезно? Я думала, он никогда не обратит на меня внимание.

– Почему?

– Нат, ты не обижайся... но я всегда думала, что ему нравишься ты. Мы все считали, что вы идеальная пара и давно влюблены друг в друга.

– Мы просто друзья.

– Если честно, Давид мне очень нравится. Я бы и сама могла даже сделать первый шаг. Но я правда была уверена, что у вас с ним есть отношения.

– Что ж. Теперь ты знаешь, что у нас только дружеские отношения и путь открыт.

Натали пытается улыбнуться. Точнее улыбается, но улыб-

ка выходит вымученной и она утыкается в тетрадь, делая вид, что вообще потеряла интерес к этому разговору. И вообще единственное, что ее волнует это домашняя работа по литературе. Только опять хочется плакать. Все думали, что они с Давидом идеальная пара и он был в нее влюблен. Все, кроме Давида. Они ведь и правда были идеальной парой. Разве принцесса Кати может понимать его так, как понимала Натали? Да она и пищу, наверное, не ест, потому что боится навредить своей идеальной фигуре. У Кати уже выросла грудь, причем красивая, а у Натали не выросла и не вырастит. Но ведь Давид не такой, чтобы обращать внимание на грудь. Ему нужен внутренний мир, а он у Нат самый красивый. И самый преданный ему. Хотя сейчас ей тоже отчаянно хочется в кого-нибудь влюбиться и пусть он ревнует. Противный внутренний голос говорит, что ему не с чего ревновать. Что раз Кати думала, что Давиду нравится Натали, это еще ничего не значит. Она ему нравится, но как друг. А вот Кати нравится, как девушка.

Кати сползает с подоконника и садится рядом с Нат.

– Он тебе точно не нравится?

– Ты же знаешь, что мы друзья? Конечно, не нравится. Я люблю его как друга, иначе разве завела бы я с тобой этот разговор?

Голос Натали звучит нарочито бодро, но Кати этого не замечает. Хоть и пристально всматривается в глаза Нат, стараясь прочесть там ложь. Не получится. Натали сейчас и сама

верит в то, что говорит. По крайней мере, в эту самую секунду.

– Нат, если он тебе нравится хотя бы немного, то я не буду ничего предпринимать. Я действительно считаю вас идеальной парой и, если у тебя есть к нему чувства, то скажи мне честно. И я вообще забуду об этом разговоре и даже не посмотрю в сторону Давида.

Проклятая милая стерва. Как же ловко она манипулирует. Натали становится совестно за свои мысли. И ей отчаянно хочется открыться Кати. Кати ведь ее поймет. И Давид будет свободен и Натали станет легче, если она поделится этой правдой. Нат уставилась в свою тетрадь. На пятьдесят процентов она готова выговориться. Рассказать о том, что у нее на душе и как она рыдала половину ночи, а другую половину ненавидела и Кати и Давида. Счастье и нормальная жизнь так близко, просто коснуться рукой.

Натали готова.

Натали поднимает глаза.

– Мы с Давидом просто друзья. И я буду счастлива за вас, если вы будете вместе.

Ведь так должны поступать настоящие друзья? Хочется обхватить колени руками и, чтобы ее никто не трогал. Но это вечером. А пока звенит звонок. Кати даже подпрыгивает, пока они идут в класс и рассказывает о том, что на самом деле ей всегда нравился Давид. А потом шепотом добавляет

– Вообще он нравится всем. У нас одна ты уникальная

и не поддавалась его чарам. Наверное, поэтому он так тебя и ценит. Ты всегда будешь занимать в его сердце особое место. Он тебя просто обожает. Ты же его самый близкий друг.

Натали хочет попросить ее, чтобы она замолчала, но во время останавливается. Хорошо, что на литературе она сидит с другой одноклассницей. Молчаливой любительницей металлической музыки. То, что сейчас нужно. Просто помолчать.

11.

Натали бросает на пол пакет с бургерами. Она уже и забыла, что вроде как становилась вегетарианкой. С Викторией это было легко, она всегда могла приготовить все, что угодно и Натали могла мучить ее своими новыми чудачествами. То вегетарианка, то, наоборот, мясоедка, то сыроедка, то голодовка. И Виктория ее поддерживала, потакала ей, можно сказать. Натали говорила, что не ест мясо и Виктория готовила вкуснейшую рыбу. Было просто поддаваться модным течениям, когда рядом была мама. С мамой всегда ничего не кажется невозможным. Но сейчас Натали жила с бабушкой, которая даже не знала, как включается плита. Сейчас Натали жила с бабушкой и, если не хотела исчезнуть совсем, то должна была чем-то питаться, кроме этих бесчисленных йогуртов, которыми бабушка пичкала и саму себя и зачем-то Натали. Но готовить Нат не умела и не могла запечь рыбу

в духовке так, что пальчики оближешь. Поэтому пришлось купить себе первое, что попало на глаза, чтобы не умереть этим вечером с голоду. И взгляд пал на бургер и картошку фри. Совсем не полезная пища, конечно. Но не пиццу же ей есть. Она с недавних пор совсем не любит. У пиццы вкус разочарования.

Нат проходит на кухню, выкладывает содержимое пакета на стол. Бабушки нет, значит можно спокойно поесть. Бургер, картошка, кола и еще какое-то пирожное, такое жирное, что бабушка бы точно потеряла сознание, как барышня прошлых веков. Но Нат имеет право на праздник живота. Она открывает планшет и играет в очередную глупую игру, чтобы отвлечься. Кстати, отношения Давида и Кати оказались не такими уж страшными. Может, они специально не обижались у нее на глазах, а, может, она не осознанно их избегала. Как бы там ни было, она старалась быть милой с ними, они были милыми с ней. Казалось, что и Давид и Кати чувствуют перед ней какую-то вину, и Кати один раз сказала, что ей неловко. Раньше Натали и Давид всегда были вместе, а теперь Кати как будто бы их разлучила. Натали пожала плечами и подумала, что Кати очень часто оказывается близко к истине, но, конечно, этого не произнесла. Ей было пусто и грустно, но она прикрывалась тем, что устает от бабушки, скучает по родителям и волнуется перед экзаменами. Она превратилась в девочку – проблему, у которой постоянно все не так. Они пытались проводить с ней время втроем,

но быть третьей лишней для нее было еще хуже, поэтому она старательно избегала этих попыток под предлогом

– Хочу оставить голубков наедине.

Натали страдала. Каждой клеточкой тела она страдала. Она была одинокая и грустная. Теперь по вечерам Давид писал ей не так много сообщений и они почти не созванивались. Он не забыл ее совсем, что было еще хуже. Он старательно пытался сохранить их дружбу и ей было стыдно, что она пыталась от него отдалиться. Она даже думала над тем, как бы поругаться с ним. Навсегда. И наверняка. Но пока ничего не придумала. Натали ест свой бургер и запивает колой, когда дверь открывается. Бабушка, как всегда не вовремя и Нат раздражается. Бабушка проходит на кухню, морщит свой прямой нос.

– Разве ты ешь мясо, милая?

Неужели бабушка хотя бы что-то о ней помнит.

– Мне больше нечего есть.

Это звучит так жалко и жалобно, что Натали самой становится тошно. Бабушка присаживается напротив. Смотрит вопросительно.

– Меня уже тошнит от твоих йогуртов и салатных листов. Я хочу есть. Считай, это не отказом от принципов, а способом выживания.

Без Виктории Натали совсем не справляется. Бабушка еще раз окидывает своим надменным взглядом пиршество, которое устроила Натали и бросает

– Как знаешь.

Хватает с полки яблоко и отправляется в свою комнату, покачивая стройными бедрами. На бабушке черное платье ниже колена и черные волосы заплетены в небрежную косу. И как она умудряется выглядеть всегда так роскошно? Конечно, у нее уже не та кожа. Конечно, есть морщины и, если смотреть вблизи, то бабушку уже можно назвать пожилой женщиной или женщиной в возрасте. Бабушку бы хватил удар от таких слов, но Натали же не будет врать самой себе. Бабушка как-то угасает в последнее время. Сегодня на ее губах даже не было фирменной алой помады и Натали увидела, что губы бабушки стали меньше. Как это называется? Высыхают от старости? Одному Богу и бабушкиному косметологу известно, сколько инъекций сделала бабушка, чтобы выглядеть моложе. Но возраст все равно за ней гонится. Натали интересно, как это быть невероятной красавицей и смотреться в зеркало и понимать, что красота безвозвратно уходит. Одно хорошо, Натали никогда по красоте тосковать не будет. У нее есть сердце и ум, а эти две вещи вроде как стареют не так явно, как красота.

Но бабушка всегда выглядит такой уверенной, что вряд ли ее волнует ускользающая красота. Она все равно умеет себя подать так роскошно, что выглядит выигрышнее кого угодно. Она такая сильная женщина, что Натали невольно начинает ей завидовать. И она вспоминает рисунок Давида, на котором была изображена женщина, как две капли воды похо-

жая на бабушку Алису в молодости. Если бы Натали была такой же красивой, то Давид бы влюбился в нее, а не в Кати. Нат набирает номер Виктории.

– Мама, я скучаю.

– Я тоже скучаю, детка. Вы там с бабушкой не ругаетесь?

– Нет, живем как соседи, но достаточно мирно. Когда ты уже вернешься?

– Пока не знаю, милая. Но, думаю, что скоро.

– Как у вас с папой?

Мама замолкает на секунду, как будто бы обдумывая ответ. Натали не нравится это молчание, но голос Виктории звучит правдивым. Она не пытается просто успокоить Натали. Она говорит правду и то, что думает.

– Все в порядке. Мы стараемся. Я не знаю, как получится, но мы стараемся.

– Тогда не торопитесь.

– Я беспокоюсь за вас с бабушкой.

– Не беспокойся, мама. Пока мы даже ни разу не поругались. Я стараюсь вообще с ней не разговаривать от греха подальше.

– Может, это и правильно, милая.

– Может быть, сходим на концерт?

– Или в театр?

– Отличная идея, Кати! Я сто лет не был в театре. Натали, что ты об этом думаешь?

– Кстати, на выходных можно просто сходить в парк и устроить пикник. Я приготовлю сэндвичи.

– Ты готовишь очень вкусные сэндвичи. Нат, ты знала, что Кати готовит очень вкусные сэндвичи?

– Прекрати, Давид, ты меня смущаешь. Натали это совсем не интересно, она тоже умеет готовить вкусные сэндвичи, это же не сложно.

– Я не умею готовить сэндвичи.

– А это способность женщин, глупый.

Они идут в обнимку рядом с Натали, Натали преимущественно отмалчивается. Они так много разговаривают, что начинают ее раздражать, только от этого она не перестает страдать. Хотя, надеялась, что получится. Они постоянно обнимаются. Если буквально неделю назад, они старались вести себя прилично, то сейчас расслабились и вот так отвечают на ее благородство. Она поняла, что не стоит избегать своих друзей, стала проводить с ними больше времени. Вместо того, чтобы разойтись и больше не общаться, они расслабились в ее обществе и стали обниматься, зажиматься и говорить друг с другом противными голосами прямо при ней. Вот такая благодарность. Никчемная. Натали старается ходить не с кривым лицом. Бабушки не было дома пару дней и она позвала их в гости. Они были счастливы, для Натали это закончилось катастрофой.

Кати постоянно забрасывала свои длинные ноги на Давида, а он бы не против. Натали не знает, на что она рассчиты-

вала. Это было очень глупо. Неужели она думала, что они оба поймут, какой она хороший друг и что? Перестанут встречаться? Они были только рады и, конечно, полутонув не понимали. Натали и не слишком старалась. Они хотели заказать пиццу, но Натали отказалась ото всего, под предлогом того, что она вегетарианка и не знает, что ей выбрать. Они, кстати, не настаивали и ели чипсы, которые сами и принесли с собой. Давид обнимал Кати, она забросила на него ноги. Они расположились на диване и Натали была вынуждена положить себе подушки на пол и смотреть серию игры престолов с полу. Если честно, ей бы хотелось выставить их бесчувственными идиотами, но они постоянно предлагали ей перебраться на диван и сами были готовы сесть на пол. Натали же нравилось изображать из себя жертву, правда, в этом случае только для самой собой. Потому что они, конечно, не понимали ее печали. Она силилась улыбаться и даже пыталась обсуждать с ними серию. Наверное, очень эгоистично пытаться выставить это все так, что Нат повела себя благородно и позвала к себе, чтобы они расслабились. Конечно, в глубине души она преследовала совсем иные цели. Ей до сих пор отчаянно хочется, чтобы они расстались. Если на начальном этапе их отношений, ей хотелось, чтобы они ее никак не касались и она их даже избегала, то сейчас ей почему-то нужно все контролировать. Ей казалось, что, чем больше времени она будет проводить с ними, тем менее вероятно, что случится нечто, что поставит точку на всех ее мечтах.

Она толком не могла объяснить, что имела в виду. Просто почему-то пока ей казалось, что Кати нравится Давиду, да, это логично, Кати нравится всем. Но она была уверена, что нет какой-то сильной влюбленности, поэтому ходила за ними хвостом. Третий лишний, она это на своей шкуре очень четко испытала. Но еще больше она боялась того, что упустит нечто важное. Да она сама прекрасно понимает, как глупо звучат все эти ее переживания. Она бы сама не поверила, что модно так сильно влюбиться в школьном возрасте, и понимает, что выглядит это так, как будто бы она себя накручивает. Что можно отвлечься, успокоиться. Это всего лишь школьная влюбленность. Но Давид больше не зовет ее к себе по выходным. Теперь, они не гуляют вдвоем, потому что Кати всегда рядом. Теперь Натали больше не его самая близкая подруга. Он убирает непослушные волосы от лба и сейчас у Кати есть право на то, чтобы коснуться его челки. А у Нат этого права нет. Разве это не повод, чтобы выть по ночам от страданий? А она держится, вон даже дружит с ними. С мрачным лицом, конечно, но старается.

– Это твоя бабушка? Она такая красивая!

– Да знаю, и мы совсем с ней не похожи.

От Давида она уже слышала, что ее бабушка – королева красоты. Конечно, когда она пригласила Давида с Кати в гости в отсутствие бабушки, она, в принципе, была готова, что одно из профессиональных ее фото попадет на глаза Кати или Давиду и начнутся охи и вздохи. На сей раз под чарами

черноволосой «ведьмы» пала Кати, которая даже взяла в руки фото бабушки Алисы и рассматривала его так внимательно, как будто бы там какое-то зашифрованное письмо. Господи, мало того, что они обнимались на глазах Натали, теперь они начали обсуждать, на кого из голливудских актрис похожа ее бабушка.

– Лоллобриджида.

Мрачно произносит Нат, заставив сладкую парочку обернуться.

– Джина Лоллобриджида. На нее похожа моя бабушка. Она играла Эсмеральду, вот моя бабушка это прямо Эсмеральда.

Наверное, во взгляде Натали было нечто такое, что заставило их перестать обсуждать бабушку. Не невзрачную Натали же обсуждать, в конце концов. В Нат нет ничего интересного. Даже этих ее черных глаз. Хотя глаза вроде как Натали достались от бабушки. Карие. Только у бабушки они смотрелись так ярко и роскошно в сочетании с черными волосами и постоянно загорелой кожей. На светлой коже Натали и с ее рыжими волосами и веснушками, эти карие глаза просто терялись. Никто и никогда не делал ей комплиментов относительно глаз.

В общем, вечер, проведенный с друзьями, закончился обычно, но никакого удовлетворения Натали он не принес. И сейчас из рассуждений о том, как провести выходные, Натали понимает, что не выдержит еще столько неприятных

минут. Да, ей хочется все контролировать. Но, может, это сильнее ее.

– Нати, я тебе говорила, что у меня есть один очень хороший друг?

О нет. Теперь, Кати, видимо, решила, чтобы Натали не была третьим лишним, притащить за собой какого-то своего несчастного друга. Натали физически больно становится. Он представляет это свидание вчетвером. Кати и Давид не могут отлипнуть друг от друга, а Нат и несчастный парень вынуждены изображать какой-то диалог, чтобы просто не убивать друг друга.

– Я не сомневаюсь, что у тебя есть друзья.

Кати заливается хохотом, по мнению Нат совсем неестественным, но Давиду, кажется, нравится, судя по тому, с какой нежностью он смотрит на эту выращенную в естественных условиях барби. От этого становится еще противнее.

– Может, сходим куда-нибудь вчетвером на этих выходных? Вы с ним подружитесь.

– Не сомневаюсь, что подружимся.

– Так что насчет выходных?

Давид смотрит на Натали таким пристальным взглядом, а Кати разве что ручки на груди не скрестила в умоляющем жесте. Идти совсем не хочется, быть резкой тоже очень плохой и не оптимальный вариант. Натали вздыхает.

– На этих выходных у меня планы. Может, в следующие? Вроде как компромисс всех устроил. Кати и Давид счаст-

ливы, что эти выходные проведут наедине и так же довольны, что могут «пристроить» Натали. А Нат кажется, что до следующих выходных еще так много времени. Может, Кати забудет, а, может, ее друг передумает. Не одной же Натали отдуваться и придумывать отмазки. Он тоже может поработать.

12.

Такое ощущение, что квартира бабушки горит. Натали заходит и сразу зажимает нос, начинает кашлять. До чего же противный запах, ощущение, что бабушка снова решила приготовить какой-то пирог для вечно худеющих. Эти пироги почему-то воняют так, что вообще не хочется есть. Хотя, о чем это Натали? Наверное, в этом и была их суть. Напрочь отбивать желание вообще когда-либо есть своим запахом. Бабушка, по всей видимости, дома, не зря же откуда-то появился этот жуткий аромат. Натали проходит на кухню. Бабушка в фартуке что-то колдует на кухне. Нат отмечает, что даже в фартуке бабушка выглядит как звезда какого-то фильма. Хотя, Виктория говорила, что бабушка никогда не умела готовить, просто умела красиво ходить по кухне, отвлекать внимание мужчин и потом виртуозно доставать еду, заказанную из ресторана и класть вишенку на торт в виде испачканных в муке рук, щедро усыпанных украшениями. Наверное, эти украшения отвлекали от того, что на блю-

де даже была фольга. С другой стороны, видя, как грациозно бабушка лавирует между столом и плитой, Натали понимает мужчин, которые не имели ничего против ее лжи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.